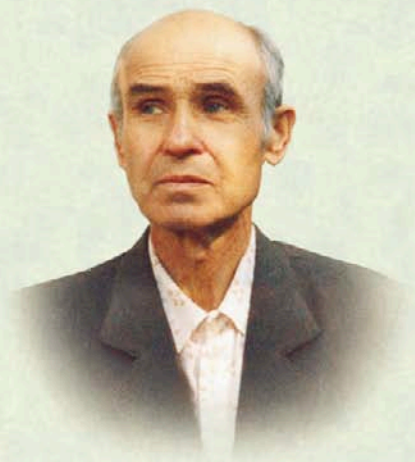

Биография
Н. Р. САВЧЕНКО

1925–1989

A photograph of a prison wall with a watchtower on the left. The wall is made of brick and has a chain-link fence in front of it. There are trees and a building in the background.

**У Бога
пишется
памятная
книга**

*Возлюбленные! огненного искушения, для
испытания вам посылаемого, не чуждайтесь,
как приключения для вас странного. 1 Петр. 4, 12*

У БОГА ИЩЕТСЯ ПОСЯТННЯ КНИГА

*Воспоминания Людмилы Леонтьевны Савченко,
жены пресвитера Омской церкви СЦ ЕХБ,
мученика за веру — Николая Романовича САВЧЕНКО*

2012 г.

Сознаю себя немощной, но с помощью Господа хочу рассказать о моём муже Савченко Николае Романовиче. О его глубокой, живой вере в Спасителя Иисуса Христа, Которого он любил больше всего на свете, за Которого с радостью отдал свою жизнь. Он был скромным тружеником на ниве Божьей, любил церковь и дорогих в Господе братьев и сестёр.

Все эпизоды о чудесном водительстве Божьем в его жизни, избавление от смерти описываю со слов мужа. Участницей некоторых событий была и я.

У БОГА ПИШЕТСЯ ПАМЯТНАЯ КНИГА

Биография Н. Р. Савченко

ГЛАВА I

«Читая Евангелие, я не то что увлёкся, я пришёл в восторг, ликовал! Господь словно входил в моё сердце. Восхищаясь всемогуществом Божьим, Его любовью к людям, я узнал, что Христос пришёл для спасения грешников... Я жадно впитывал каждое слово, и как будто переселялся в другой мир. Мысли мои отрывались от земли; что-то новое, удивительное происходило со мной...» Н. Р. Савченко

Н

иколай Романович Савченко родился 27 ноября 1925 г. в православной семье, которая вела обычную мирскую жизнь. Несмотря на это, Николай с детства трепетно относился к слову о Боге и по-своему молился Ему.

Его отец, Роман Еремеевич, малограмотный, трудолюбивый, всё умел делать своими руками. Жили они в сельской местности: сеяли хлеб, убирали, молотили. Кроме полевых работ отец, можно сказать, всю жизнь рыл колодцы в деревнях. Работа довольно тяжёлая.

Мать Николая Романовича — кроткая труженица. Жизнь её изобиловала трудностями. Родила она 23 или 24 ребёнка (три раза рождались двойни). Дети росли беспокойными, часто болели. Необходимую одежду себе и детям она шила руками. Готовила пищу на большое семейство и содержала хозяйство.

Подрастая, дети помогали отцу и матери. Хотя родители Николая почти неграмотные, но всем детям дали высшее образование. Один Николай получил Божье, святое образование.

В марте 1943 г. Николая призвали в армию прямо со школьной скамьи (он учился в 9 клас-

се). Прошёл курс молодого бойца и его сразу отправили на передовую. Участвовал в боях на Белорусском фронте. Если бы он ценил службу в армии выше служения Богу, то храбрый и отчаянный воин, каким он был, мог бы много рассказать о боевых подвигах. Но он всегда об этом умалчивал. (После смерти Николая Романовича мне в военкомате вручили награды мужа: медаль «За отвагу» и «Орден Отечественной войны II степени». Некоторые награды так и не дошли до него.) В 1944 г. его ранило в руку, лежал в прифронтовом госпитале, а потом вновь направили в распоряжение Белорусского фронта.

В военных действиях участвовали ещё три родных брата из семьи Савченко: Дмитрий, Пётр и Степан. Дмитрия убили и похоронили на Украине. Степана после ранения демобилизовали, жил в Ленинграде, там умер и похоронен. Петра тоже тяжело ранили, попал в плен. Много страданий выпало на долю родителей, пока вернулись после войны три старших сына.

ЧИТАЯ ЕВАНГЕЛИЕ

Николай в мае 1945 г. попал в тюрьму (об этом он не любил рассказывать), его осудили военным трибуналом на 8 лет лишения свободы. Срок отбывал в Ныробских лагерях на Урале. Условия тяжёлые: послевоенная разруха, голодал весь народ, а о заключённых и говорить не приходится.

В 1949—50 гг. Николай Романович встретился в лагере с верующими разных исповеданий: православные, пятидесятники, адвентисты, баптисты. Узнав, что Николай ищет Бога, каждый из верующих усиленно приглашал его для беседы. У него началась мучительная душевная борьба: где истина? Все говорили хорошо и как будто правильно. А сатана указывал ему на грехи и вечную погибель. Не знал Николай, что пять братьев баптистов (двое из них — рукоположенные служители Минов и Бурушкин) часто с постом молились о нём.

Однажды он заметил у заключённого Евангелие и попросил почитать. Тот не дал, но предложил читать вместе.

«Читая Евангелие,— вспоминал Николай Романович,— я не то, что увлёкся, я пришел в восторг, ликовал! Господь словно входил в моё сердце. Восхищаясь всемогуществом Бо-

жым, Его любовью к людям, я узнал, что Христос пришёл для спасения грешников, хотя себя таким не считал. Я жадно впитывал каждое слово, и как будто переселялся в другой мир. Мысли мои отрывались от земли; что-то новое, удивительное происходило со мной... Открытого покаяния у меня не было — мне никто об этом не говорил. Но пришло время, когда я всем существом понял, что я — большой грешник. Каюсь сам перед Богом, освобождаясь то от одного, то от другого греха. Со временем я почувствовал, что совесть моя очищена, свободна...»

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Начальство лагеря быстро узнав о покаянии Николая, то и дело по ночам вызывали его в оперчасть и агитировали стать «стукачом», предателем и доносить начальству о всех проделках заключённых. Они в свою очередь ненавидели таких людей и даже убивали. За донесения оперативник обещал ему поощрение по работе, улучшение жизни и даже свободу. Николай категорически отказался и от льгот, и от предательства. Каждую ночь — допросы, а днём — тяжёлый труд в зоне. Длительные недосыпания изнуряли физические силы, но добиться своего лагерное начальство не смогло.

Однажды после очередного издевательства оперативник приставил наган ко лбу Николая, положил палец на курок и начал медленно спускать.

«Сдохнешь, и никто о твоей смерти не узнает!» — с язвительной усмешкой произнёс он.

«О! это лёгкая смерть! — сказал он, опуская руку с наганом. — Лучше я пошлю тебя туда, где ты будешь долго помнить меня и всё равно сдохнешь смертью собаки!»

Свою угрозу оперативник выполнил на следующий день и Николая отправили на этап, на самый отдалённый вахтпункт на северо-запад Урала в глухую тайгу, где люди умирали с голоду и от болезней. Редко кто возвращался оттуда живым. Собщение осуществлялось только самолётом.

Узнав об этом, братьев объяла глубокая скорбь и боль. Горячие молитвы понеслись к Богу о защите и охране Николая, ведь

он был ещё духовным младенцем. Они отдали Николаю единственное Евангелие, которое имели на всех, и просили Бога сохранить эту бесценную Книгу.

Перед отправлением на этап вещи заключённых тщательно обыскивают. Прощупывают каждый шов в одежде, вырывают стельки из обуви. Николай решил положить свою драгоценность в наружный карман гимнастёрки. Начался обыск. Заключённым приказали раздеться донага и сложить одежду в стопу. Конвоир, прощупав каждую вещь, перекладывал её в другую стопу. Душа Николая взывала к Богу о защите и помощи. Дошла очередь до гимнастёрки. Конвоир взял её за воротник и долго осматривал, как будто она стеклянная, и, не проверяя, медленно положил в другую стопу. В других вещах он тщательно прощупывал каждый шов, много у Николая отнял, но он ни о чём не жалел,— Евангелие осталось с ним. Пределу ликования Николая не было границ! Хвала Богу за явное чудо неслась из его сердца. Так до самого освобождения Бог хранил Евангелие, совершив ещё два чуда охраны.

Однажды по возвращении с работы перед заходом в зону устроили обыск. Евангелие всё так же лежало в кармане гимнастёрки Николая. Он воззвал о помощи к Всемогущему. Солдат проверил все карманы, нащупал книгу, вытащил её и спросил:

— А это ещё что?

— Евангелие,— спокойно ответил Николай.

Солдат долго листал и рассматривал его. Потом отдал Евангелие и сказал:

— Возьми. Эту Книгу читала моя мать.

Сколько хвалы и благодарности вновь вознеслось к престолу Всемогущего Бога.

Господь третий раз сохранил Евангелие, когда оно находилось в маленькой подушке. Обыск делали ночью. Николай молился о сохранении святой Книги. Эту подушечку солдаты мяли, протыкали острой заточкой, но Бог укрыл Своё Слово!

Штрафной лагпункт находился за сотни километров от основного лагеря. Труд непосильный. Заключённые, в том числе и Николай (ему тогда исполнилось 25 или 26 лет) в тайге валяли лес, работая по пояс в снегу. Нормы выработки непосильные и никакой механизации. В руках только пила и топор. Го-

лодных, обессиленных, промокших заключённых пригоняли с работы поздно. Пайку хлеба им выдавали наполовину меньше, чем на головной колонии. В бараках — холод, обогреться негде. Люди умирали по 10—15 человек ежедневно, никакой медицинской помощи им не оказывали, потому что на штрафной лагпункт отправляли провинившихся заключённых, которые фактически были обречены на смерть. Некоторые от голода рылись на мусорной свалке и вскоре умирали от какой-либо инфекции. Николай однажды выбрал из мусора очистки от картошки, поел, но после решил: «Лучше умру от голода, но к отходу больше не притронусь». Так он и поступал.

Через некоторое время Николай до того обессилен и отошел, что еле передвигал ноги, не мог работать. Как-то он шёл по коридору спецбарака, где в конце стояло зеркало.

«Иду и вижу в зеркале движется какой-то покойник, — вспоминал Николай Романович. — Я испугался, оглянулся: никого нет. Опять посмотрел в зеркало, и только тогда сообразил, что движущийся покойник — это я. Здесь я впервые заплакал. Люди умирали десятками за сутки. Их трупы сваливали зимой в кучи, летом — в ямы, и закапывали.

Кому-то из заключённых удалось написать жалобу об этом гиблом месте и передать в Управление. Внезапно нагрянула комиссия из врачей и ещё каких-то лиц. Оставшихся в живых заключённых выстроили на плацу и начали переключку. Назвали и фамилию: “Савченко!”

Собрав все силы, крикнул: “Я, я!”

Зачитывающие не услышали и вновь громко крикнули: “Савченко!”

Я вновь, как мне казалось, закричал: “Я!”

Врачи обратили внимание на то, что я раскрываю рот и что-то шиплю.

Некоторые заключённые скончались на плацу. Живых вызывали по одному на приём к врачам. Дошла очередь до меня. Я еле держался на ногах. Оглядев меня, мужчина взял ручку и хотел записать мою фамилию в длинный список, по видимому, безнадежных. Но Господь рассчитал время до минуты. Он никогда не опаздывает. Пожилая женщина взглянула на меня с сочувствием и сказала: “Давай попробуем поле-

чить, ведь он такой молодой, может вытянет". И мужчина внёс мою фамилию в краткий список. Нас, немногих счастливлчиков, поместили в чистый барак. Вначале кормили жидкой кашей, затем давали вкусный хлеб и даже суп с мясом. После трёх месяцев отдыха я поправился, стал краснощёким, восстановились мои силы».

Так Господь услышал молитвы братьев о Николае и сохранил ему жизнь, а оперативника посрамил.

ДОМА

Савченко Н. Р.
1953 г.

Вернулся из заключения Николай в апреле 1953 года. Его амнистировали и реабилитировали. (Но в последующие годы гонений атеисты, несмотря на это, постоянно упрекали его, всячески унижали и оскорбляли его как преступника, хотя не имели на это права.) С вокзала Николай пришёл домой ранним утром. Все обнимали его, а родители плакали от счастья. Отец Николая дал деньги старшим детям и попросил купить «горилки» (родители Николая родом с Украины, поэтому разговарива-

ли на украинском языке), чтобы отметить встречу.

— Папа, не надо, я не пью,— сказал Николай спокойно, но твёрдо.

— Не пьёшь? Газировки купим, но отметим возвращение.

— Нет, папа. И газировкой я не буду отмечать встречу. Лучше давайте преклоним колени и поблагодарим Господа за то, что Он хранил вас и меня и даровал эту встречу.

— Уж не штундистом ли ты стал?! — в ужасе воскликнул отец.

— Да, папочка, я — штундист! А точнее — евангельский христианин-баптист.

Радость встречи омрачилась негодованием всех родных. Каждый день отец беседовал с Николаем и требовал отказаться от своей «штунды». Но, увидев твёрдость и непреклонность

веры сына, перестал увещевать.

Николай большей частью находился дома, и если выходил, то постоянно расспрашивал омичей: не знают ли они, где живут баптисты? Прошёл месяц. Родители видели тоску и одиночество сына и дали мудрый совет: «Иди к православной церкви и расспроси просящих милостыню: не знают ли они верующих в городе?» Так Николай и поступил. Одна старушка привела его к верующим сёстрам Аваргиным.

НАШЁЛ РОДНЫХ ПО ДУХУ

Одна из сестёр — Шура, жена регента Омской церкви Аваргина Павла, замученного в узах в 1937—38 годы. Тогда же арестовали брата сестры Шуры и отца,— все они умерли в узах.

Сестра Шура встретила Николая с радостью и доверием. Подарила ему Библию мужа с дарственной надписью. Этим подарком Николай весьма дорожил. Постоянно читал Библию. (Во время очередного обыска в нашем доме эту Библию конфисковали как клеветническую на советский строй, и уничтожили.)

Сестра Шура познакомила Николая с братом старцем Агафоновым Парфёновичем Бодровым. Этот искренний служитель Божий, не рукоположенный, совершал и крещение, и хлебопреломление, и бракосочетание, так как рукоположенных служителей в те годы замучили в тюрьмах или расстреляли. Брат Бодров был нашим другом и наставником. Вся молодёжь шла к нему со всеми вопросами. Он, как мог, помогал, укреплял в вере и поддерживал в молитвах.

Этот старец «проверил» Николая, полюбил за искренность, познакомил с молодёжью. Так в трудное для народа Божьего время Николай впервые пришёл на святое собрание. За домами, где собирались верующие на богослужения, следили и разгоняли. Молодёжь собиралась на общение поздно вечером, иногда ночью.

Сотрудники милиции как-то не дали провести богослужение в доме. Тогда мы собрались около двух часов ночи на берегу озера Чередовое. Тихая лунная ночь. Торжественно. Немолодой брат Дмитрий Осипович Поюнов вошёл в лодку, привязанную цепью и по памяти прочитал стих из Библии. Мы моли-

лись, тихо пели «Чудное озеро Геннисаретское...» и другие гимны. Пение чудной мелодией разливалось над спокойными водами озера. Эти неповторимые мгновения я забыть не могу.

Первые наставления христианской жизни Николай получил от братьев-пресвитеров Бурушкина и Минова ещё в лагере. Он сам очень много читал Слово Божье, учил наизусть четыре Евангелия. Он считал христиан святым народом, и думал, что никакие развлечения не должны даже именоваться среди них. Познакомившись с омской молодёжью ближе, он огорчился, услышав нехристианские слова, увидев игру в волейбол, мяч, «третий-лишний» и др.

“Разве для этого Господь создал Церковь Свою?!” — думал он. В лагере он встречался со многими христианами, которые впоследствии были замучены за дело Божье, а тут молодежь беззаботно развлекалась. Видя это, он молился и очень желал, чтобы и его жизнь закончилась в узах. В молитве он находил все утешение. “Это — моя жизнь”, — говорил он.

Из-за гонений летом почти каждое воскресенье молодёжь выезжала в загородную рощу или на левый берег Иртыша и там проводили служение. Затем сёстры «накрывали стол» прямо на траве, раскладывали скромные (у кого что было) продукты, просили благословения и кушали. После обеда устраивали короткий отдых: шли купаться (сёстры — в одну сторону, братья — в другую). Николай никогда в этом участия не принимал. Он уединялся и читал Слово Божье. Его поведение сдерживало молодёжь. Братья один за другим прекращали игры, садились рядом с Николаем, а за ними шли и сёстры. Так постепенно при Николае игры отошли в сторону, а без него — молодёжь была не прочь поиграть и играла.

11 сентября 1953 года Николаю Романовичу преподали крещение в Иртыше, и с тех пор он стал проповедником.

СКРОМНАЯ СВАДЬБА

Наступил 1954 год. По совету братьев-старцев и по своему сердечному влечению Николай в январе сделал мне предложение. (Перед этим он 9 дней пребывал в посте. Я об этом ничего не знала.)

Я хотела трудиться для Господа, да и о семейной жизни не имела должного представления. Как быть? — встал передо мной мучительный вопрос. Проверая себя, я просила у Бога помощи, совета и почувствовала в душе, что Николай послан мне Богом и дала согласие на брак. 20 апреля мы зарегистрировались, а 1—2 мая прошла наша скромная свадьба. В первый день мы общались с молодёжью, во второй нас посетили старцы и старицы нашей группки. На свадьбе была и Александра Ивановна Семиреч, которая много трудилась для Господа. На нашей свадьбе она рассказала своё любимое стихотворение «Господь посещал».

Впервые на христианской свадьбе присутствовали родители Николая и его родные. Всем понравилось.

Раньше свадьбы проходили без тортов и обильных блюд. Обычно пекли сладкий пирог. В конце разрезали его на маленькие кусочки и от имени жениха и невесты всех угощали. Дарили подарки. Скромностью они удивили бы сегодня многих.

НЕОПРАВДАНЫЙ РИСК

3 мая мы чуть-чуть не погибли с Николаем. Вечером он пришёл к проходной завода, где я работала бухгалтером, и мы пошли смотреть ледоход на реке Иртыш. Зрелище красивое: большие и малые льдины, нагромождаясь друг на друга, быстро неслись по течению. Всё вокруг крошилось, бурлило. Немного пройдя по берегу, мы увидели заводь, огражденную брёвнами, крепко связанными толстой проволокой. Брёвна лежали на глубоко вбитых в землю сваях и выступали метров на 50 в реку. Внутри заводи льда не было, а за брёвнами лёд нёсся быстро, крошась и наползая друг на друга.

Мы прошли по этим брёвнам на сам выступ. Конечно, брёв-

Савченко
Николай и Людмила, 1954 г.

на прогибались под нами. Мы стояли и смотрели на эту круговерть. Вдруг большая льдина вплотную подплыла к брёвнам. Мне пришла в голову мысль наступить на неё. Когда я это сделала, льдина отодвинулась от брёвен и стала наклоняться. Я упала. Николай сказал: «И я!» и, не раздумывая, прыгнул на льдину рядом со мной. На наше счастье льдина сильно наклонилась в сторону брёвен. Мы успели зацепиться за одно бревно. Николай как-то смог подтянуться, и, держа меня за руку, выполз на брёвна, хотя меня уже кружило среди малых льдин. А большая льдина перевернулась и понеслась в ледяном хаосе дальше.

Выкупавшись в ледяной воде, мы стояли в безопасности на брёвнах, и поняли, какому риску подвергали свою жизнь. Господь не допустил нашей гибели потому, что знал, какие имел намерения о нас (Иер. 29, 11).

Во время ледохода всегда бывает ветрено и холодно. С нас стекала ледяная вода. Родители Николая жили в 10 минутах ходьбы от реки, но мы постыдились зайти к ним и рассказать о нашем безрассудном поступке, попросить переодеться. Решили бежать домой километров шесть. Я до того промёрзла, что не могла дальше идти. По пути стояла баня, я зашла в неё отогреться, а Николай пошёл домой за сухой одеждой. Мы, конечно, никому об этом случае не рассказывали. Что было бы с нами, если бы льдина наклонилась в сторону реки?!

После свадьбы родители Николая стали ходить на собрание. Вскоре покаялась мама, за ней — папа. Приняли крещение и ревностно служили Богу. Папа умел читать по слогам, а мама — вообще неграмотная, расписывалась, ставя крестик. Бывало, сядут двое старцев рядышком или друг против друга — папа читает, а мама слушает, спрашивает: как понять тот или иной стих Писания. Папа, как мог, разъяснял, а что не знал, спрашивал у сына.

Моя мама, Евдокия Ивановна, тоже совершенно неграмотная, любила сватов и часто ходила к ним километров за шесть. Вместе они читали Слово Божье. Но не долго папа с восторгом прославлял Бога. В феврале 1958 года он умер от инфаркта, а мама, Аграфёна Карповна, умерла в сентябре 1969 года. Моя мама умерла от отравления угарным газом 24 марта 1972 года.

ПРОСТОЕ ЖИЛИЩЕ

Жили мы с Николаем в доме моей матери. С нами жила и меньшая сестра Лиля. Домик маленький 4x5 м. В 1955 году у нас родилась Наташа. Через год — Лена. Мы решили перестроить дом, но где взять средства? Продавать из вещей — нечего, жили мы бедно. Заняли у двух братьев денег в рассрочку, купили горбыль (выпуклые с одной стороны доски) и зимой обрабатывали их. Николай заготовил обшивку для дома, рамы и двери.

С мая 1956 года начали стройку,— много пришлось потрудиться. Дом строили на две половины: нам и маме с сестрой. Всю работу выполняли сами. Я ожидала ребёнка, но приходилось обтёсывать горбыль, выравнивая кромку, пилить, обшивать почти весь дом изнутри. Все наружные работы делал Николай.

Лена родилась 2 сентября, а в октябре, закончив стройку с массой недоделок, мы зашли в нашу половину дома и были счастливы, что имели свой уголок. Большая пустая комната, ни одной перегородки. Посередине печка и — никакой мебели. В доме (7x5 м) стояла наша кровать, детская качалка и маленький сундучок с нашими пожитками. Вместо стола — верстак, вместо стульев — чурки. Нас это нисколько не смущало, хотя к нам приходили и приезжали в гости братья и сёстры. Я очень благодарна Господу, что Он убрал из наших сердец стремление к богатству, роскоши, удобствам. Со временем Николай сделал кухонный стол, табуретки, комод, диван, шифоньер, тумбочку. Эта мебель служила нам до смерти Николая, да и сейчас почти ничего не изменилось. В последующие годы, когда о нашей семье очень много писали в газетах, авторы статей всегда подчёркивали убогость обстановки.

СЕМЬЯ БОРИСАНОВЫХ

Дом, как я уже говорила, мы построили на две половины. Во второй половине жила мама с сестрой Лилей и её мужем Борисановым Павлом, атеистом, членом партии. Он имел высшее образование и работал инженером контрольно-измерительных приборов на сажевом заводе. Сына Серёжу Павел воспитывал в духе атеизма и ненависти к верующим. «Бей баптистов, за

них ничего не будет!» — ободрял он сына. Серёжа быстро воспринял наставление отца: обзывался, дрался, вредил нам и нашим детям,— всё приходилось терпеть.

Однажды наша 7-летняя Наташа сидела на мостике. Серёжа (ему было 4 года) дразнил её, а затем схватил тяжёлое ведёрко и ударил им Наташу по голове. Рассёк голову, кровь залила платье. В больнице на рану наложили четыре шва. Когда рана заживала, сестра Николая (она следователь-криминалист) осмотрев её, сказала: «Удар роковой...». Серёжа повредил ей какой-то пучок нервов. У Наташи после этого удара развилось тяжёлое заболевание: «посттравматический арахноидит головного мозга». До 16 лет она два раза на году лежала в больнице с сильными головными болями.

«Бог поругаем не бывает: что посеет человек, то и пожнёт». Так случилось и с семьёй Павла: он запил и приучил пить водку и жену Лилю. В семье каждую ночь — скандалы, драки. Павел часто избивал и душил Лилю. Душераздирающие крики через тонкую перегородку отлично слышались на нашей половине дома. Мама вместе с детьми бежала от побоев к нам. Зять гнался за ними с топором или ножом. Наши дети просыпались от страха. Мне приходилось вставать между мамой с детьми и зятем, и умолять его оставить их в покое. Часто над моей головой поднималось орудие смерти, но ни разу Бог не допустил, чтобы Павел ударил меня.

Так продолжалось несколько лет. Дети росли, родители пили и дрались, с работы их выгнали, семья голодала. Мы с Николаем делились с ними последними деньгами, чтобы они могли купить хлеба. Воспитанием детей они не занимались. На родительские собрания в школу ходила я. Как могла, я помогала детям в учёбе, по всем вопросам учителя обращались ко мне. Они знали, что творилось в семье Павла, приходили с комиссией, выносили решения, но всё оставалось по-прежнему. Ни телевизор, ни прекрасный устав партии не смогли перевоспитать моих родственников. Мы с Николаем очень жалели их детей и делились с ними нашим скромным питанием. Мама тоже расходовала свою мизерную пенсию на семью Лили.

Серёжа — одноклассник с нашим Мишей. Они росли вместе. Мы с Николаем умоляли Господа сохранить наших детей от пагуб-

ного влияния мира, от соседей, позднее — школы, потому что учителя прилагали все усилия, чтобы увлечь детей телевизором, играми, подкупом, общественными поручениями.

Если описывать всё о семье Борисановых, с которыми мы прожили под одной крышей 14 лет, то можно написать книгу, но скажу кратко: без Бога в жизни счастья нет. Сейчас Серёжа, как и его родители, несчастный грешник, пьяница, страдает сам, страдают его жена и дети. Хотя он разрешил в своём доме в деревне проводить евангелизационные служения, сознаёт себя грешником, но сатана крепко сковал его узами греха и не даёт открыть сердце для покаяния.

Страшный конец постиг и его отца, Павла Ивановича Борисанова: он заболел шизофренией и по 2—3 раза в год лежал в психбольнице с приступами буйного помешательства. Рвал на себе одежду, всё разбивал, нагим гонялся за второй женой и соседями (Лиля к тому времени умерла). Когда я посещала его в психбольнице, он как-то смущённо говорил: «Вас, баптистов, сажают в тюрьму, а нас, атеистов, помещают в психбольницу». Что он мог ещё сказать?! За два года до смерти его парализовало, отнялась речь. Я посетила его, подарила Евангелие и просила его раскаться (он был в сознании). Он сильно разволновался, покраснел, махал рукой, что-то отчаянно бормотал. Но понять я его не могла, всё знает один Бог. Умер Павел в страшных муках.

ГЛАВА II

«Я уже говорил братьям об этом: когда начались гонения, у нас не молитвенные дома отняли, не Библию, не Евангелия. У нас Бога отняли! Начиная с вождей, нас заставили жить в сплошных беззакониях».

(Г. К. Крючков, «Вестник истины» № 1, 1992)

В

СОБРАНИЯ, НО БЕЗ ДЕТЕЙ

В конце 50-х и начале 60-х годов мы собирались на богослужение по посёлкам; проживающих в них людей называли «городские», «портартурские», «сахалинские», «рабочие» и др. Мы — «сахалинские». Наш посёлок по-народному называли и называют до сих пор «Сахалин». Собрания проводились по домам. Детей на собрания не водили. Наши дети присутствовали на богослужении тогда, когда собрания проходили в нашем доме.

Как-то я пошла на служение и взяла Наташу. Собрались человек 20—25, среди них был и наш руководящий старец, хороший брат. Когда я с Наташей прошла в комнату, на меня как-то странно все посмотрели. Потом братья мне сказали: «Люда, не води детей на собрания. Придёт милиция, не даст собираться. Лучше иди домой».

Я вышла. Слёзы застилали глаза. Наташа недоумённо спросила: «Мама, а почему мы ушли?» Что я могла ответить ей? Николая потряс поступок братьев. Он обличал их, но твёрдо заявили, чтобы детей на собрания не водили. Тогда мы ещё не знали, что власти уже проводили пагубную работу среди служителей, убеждая их пока не собираться, не водить детей на собрания, и только тогда обещали открыть молитвенный дом.

ДУХОВНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ ДОСТИГЛО ОМСКА

В 1961 году началось благословенное духовное пробуждение в нашей стране. Бог нашёл верных, преданных делу Своему служителей, возревновавших за чистоту церкви. Волна пробуждения достигла и Омска. Старые служители получили послания Инициативной группы, но скрыли. И только в 1962 году об этом узнали молодые братья. В наш город приезжали служители первопроходцы А. А. Шалашов, П. Ф. Захаров и другие. Вначале духовные беседы проводились среди братьев. Николай с первых дней всей душой возлюбил это движение и ревностно включился в него. Почти каждый день после работы он уезжал на общения, где собирались братья. Домой возвращался поздно, подолгу стоял на коленях и умолял Бога очистить, приготовить народ Свой, чтобы церковь не слилась с миром.

«Я слышал, что Г. К. Крючков посещал центральную городскую группу, в которой собиралось около 300 человек,— вспоминал Николай Романович. — Меня не пригласили, о чем я сильно сожалел, но сожалением встречи не заменишь и никогда не вернешь этой возможности. Началу пробуждения я был очень рад, потому что видел большое отступление от истины в своей общине, хотя она оставалась незарегистрированной. С первых дней духовной работы по очищению и освящению народа Божьего я всем сердцем воспринял её и никогда не сомневался, что её начал Господь. Это то, что крайне необходимо церкви! Это — голос Божий! Позднее, познакомившись с “Инструктивным письмом” и “Положением ВСЕХБ”, я ужаснулся: до какого гибельного состояния дошли руководители официального духовного центра!

С самого начала духовного пробуждения, начатого Господом через служителей Инициативной группы, я всем своим существом одобрял и поддерживал это святое дело. Старался всегда вместе со всей церковью участвовать в ходатайствах, молитвах, пожертвованиях,— во всём. Всё, что от меня зависело, я делал, чтобы прославилось имя Господне.

Никогда я не шёл на компромисс с миром, отвергал все предложения, все встречи с недругами.

Мы идём верным путём. Пока я жив, я и впредь молитва-

ми и всем, чем могу, буду поддерживать наше дорогое братство и всё его духовное служение. С первых дней, духом присоединившись к этому движению, я испытал большую радость. Она усиливается во мне с каждым днём. Слава Господу!»

Шел 1964 год. Омская церковь была разрознена. Внешние усиленно навязывали регистрацию. И когда её приняли, основная масса верующих хлынула туда. «Наконец-то мы получили свободу! Теперь мы будем совершать духовную работу!» — радовались многие. Но это были обманчивые надежды. Регистрация обязывала поступиться заповедями Христа. Разве можно после этого ожидать духовного подъема?!

Верующие, кто не пошёл в зарегистрированную общину, решили начать самостоятельное служение. Все понимали, что для этого нужно жертвенное посвящение Господу и себя, и семьи, и своего дома. Собрали всех жён служителей и проповедников и в сокрушении отдавались в распоряжение Божье, невзирая на последствия.

Вскоре в нашу группу поступил материал «Об очищении и освящении» и другие разъяснительные письма Инициативной группы и Оргкомитета. Начали собираться по домам и читать этот духовный материал. В первые дни собиралась небольшая группа, затем приходили всё больше и больше братьев и сестёр. Закончив чтение материала «Об очищении», каждый брат и сестра предстал перед собравшимися и исповедал грехи. Сколько было сокрушения, раскаяния! Не стыдясь, братья и сёстры свергали с себя всякое бремя греха, освобождались от всего нечистого. Между братьями царили любовь и согласие. Церковь росла.

Так постепенно возрождалась в Омске отделённая церковь, которая живёт и по сей день.

ОСОБО ТЯЖЁЛЫЙ ГОД

1963 год запомнился мне на всю жизнь, как особо тяжёлый.

В ночь на 1 января 1963 г. тяжело заболела Лена. До 5 января врачи предполагали, что у неё в тяжёлой форме грипп. 6 января в общей больнице ей поставили диагноз: менингит. Отправили в инфекционную, там определили точнее: туберкулёзный менингит. Леночку парализовало: отнялись руки, ноги, парали-

зовало кишечник и зрительные нервы, покосились глаза. В общем лежала не Лена, а труп с открытыми косыми глазами. Кушать не могла, кормили через уколы. Но сознание она не теряла, потому что я и Николай молились о ней день и ночь, просили Бога сохранить её разум. Ездили через весь город к Лене в больницу каждый день. На вопрос: «Лена жива?» врачи отвечали: «Пока жива». В это время я ожидала ребёнка. Ложилась отдыхать не раздеваясь, а Николай стоял на коленях и вопил к Богу, когда бы я ни проснулась.

Прошло 28 дней со дня заболевания. Я пришла в больницу. Вызвал меня лечащий врач: «Ну что, мамашенька? Сегодня я вам скажу: Леночка будет жить. Менингитники умирают на 9, 18 и 28-е сутки, Леночка их пережила. Однако существует страшная статистика: из 100 заболевших выживает один и, как правило, остаётся ненормальным. Ваша Лена — явное чудо: она не теряет сознание, и по симптомам не вписывается в общее определение таких больных. Мы поражаемся: она считает, правильно отвечает на вопросы». (Она отвечала медленно, с великой мукой.)

Господь слышал родительские усиленные молитвы. Через три месяца у неё стали медленно отходить руки, ноги. Она начала понемногу есть, потом садиться и ходить. В больнице Лена пролежала 9 месяцев. За это время ей сделали более двухсот пункций.

В первый класс Лена пошла в 8 лет, училась отлично. Позже кто бы ни узнавал, что Лена перенесла туберкулёзный менингит, все изумлённо спрашивали: «И она нормальная?» Да! Господь совершил явное чудо в нашей семье и Ему за это честь и слава вовеки!

Когда я ездила к Лене в больницу, простудилась и вскоре слегла. Рядом со мной лежали больные Наташа с Мишей. В это время к нам домой стали приходиться комиссия за комиссией из школы, с производства, где работал Николай, из РОНО. Всё в доме рассматривали, расспрашивали о Лене, составляли какие-то бумаги.

Позже мы узнали: готовилось дело к суду, который состоялся 23 марта 1963 года в клубе имени Лобкова. На скамье подсудимых сидели 8 пожилых братьев христиан и только один молодой — мой Николай. Зал переполнен людьми. Выступало много свидетелей.

ПЕРВЫЙ СУД

На суде я впервые столкнулась с откровенной ложью и клеветой, которую без всякого стыда выплёскивали свидетели. Особенно отличилась седовласая заслуженная учительница республики. Она вместе с другими учителями посетила наш дом. Помню суть её выступления.

«В доме Савченко, вот этого мракобеса (указала рукой на Николая) нет никакой мебели! Нищета! Зато стоят скамейки для проведения богослужения! В семье ожидают четвёртого ребёнка, но и троих детей кормить нечем. В настоящее время одна девочка лежит в больнице в тяжелейшем состоянии, у неё туберкулёзный менингит. Советские врачи день и ночь борются за её жизнь.

Знаете почему она заболела? Её родители принесли в жертву Богу в умилоствление за свои грехи и других!

Леночка, будучи членом церкви (ей было 7 лет! — *Прим. авт.*), принимала участие в их ритуале — хлебопреломлении и в чаше с вином. Из этой чаши пьют вино все, в том числе и туберкулёзники, и раковые больные. Леночка поэтому заразилась туберкулёзным менингитом».

По залу пронёсся гул: люди негодовали на верующих за такое «злодейство», а верующие поразились неприкрытой, беззащитной ложью заслуженной учительницы. Так с первых дней на нашу возрождённую церковь полилась клевета, ложь, презрение.

После суда настроенные и разъярённые люди избили Павла Козорезова и меня с Николаем. Били в фойе клуба. Милиция и дружинники предусмотрительно исчезли, предоставив нас разъярённой толпе. После избиения я несколько дней не могла встать.

13 мая родился Ваня, а 16 июня я тяжело заболела: воспаление лёгких и гнойный плеврит. Очень трудно пришлось Николаю в это время: Лена в больнице, я лежала сначала месяц дома с температурой 40. Затем меня поместили в палату для умирающих больных. Дома — двухмесячный ребёнок. Николай три раза в сутки носил сына ко мне в больницу кормить, Ваня всё время кричал. Всего не расскажешь. Только глубокое упование на Бога, на Его милость давало мужу силы переносить всё, работать и обслуживать семью.

Ходить я стала в августе. Пока болела, за Ванечкой ухаживала сестра Надежда Грибовская.

НАШ ХОР

В ноябре 1963 года я и Надежда Грибовская решили зайти к брату Алексею Козорезову, попросить его поучить нас пению. К этому времени наша церковь выросла, но пели мы нестройно, потому что в церковь влились братья и сёстры из разных групп города. Он ничего не сказал, а на собрании объявил: «Кто желает учиться петь в хоре, останьтесь». Остались многие. Регент объяснил, что такое хор, как нужно петь, говорил о дисциплине в хоре. На следующую спевку пришли лишь те, кто искренне желал петь в хоре. Так родился наш хор, который много пережил, имел много регентов, но поёт и сегодня.

Алексей любил Господа, имел прекрасный музыкальный слух и голос. При исполнении гимнов всегда пел вместе с хором, был ведущим в басовой партии. Во время пения советовал хористам иметь духовное общение с Богом и требовал абсолютного внимания.

Нотные сборники были лишь у некоторых. Кто знал ноты, переписывал гимны от руки. Хористы, незнающие нот, учили гимны на слух. В числе их была я. Мне брат Алексей подсказал, как легче запоминать мелодию: посоветовал над словами гимна ставить стрелочки: если нужно петь высоко, то нарисовать стрелочку вверх, если низко, стрелочку вниз. Я рисовала паузы, дробью ставила длительность над определённым слогом.

Не помню, какой мы разучивали гимн, но во время очередного обыска изъяли мою тетрадь с хоровыми гимнами, с обозначенными мной «нотами» как клеветническую на советскую действительность. Через 10 дней опять пришли с обыском. У меня вновь переписан этот же гимн с моими «нотами». Листок изъяли. Дней через 15 нагрянули с третьим обыском (тогда готовили

**Наш первый регент,
Козорезов А. Т.**

второе уголовное дело на Николая) и у меня в кармане сарафана нашли листок с этим же гимном и моими «нотами».

Следователь Костарёва подозвала помощника, показала ему листок и спросила: «Дима, ты знаешь ноты? Посмотри, что за знаки нарисованы тут у Людмилы?! Третий раз нахожу эту песню с одинаковыми значками». До них дошло! Оба рассмеялись. На этот раз листок с «нотами» не изъяли.

Бог давал мне силы учиться и петь в хоре. Муж видел, что я любила этот труд и прилагал все усилия, чтобы я не пропускала спевки. Мой маленький сын рос беспокойным, кричал день и ночь. Николаю приходилось носить его на руках по 3—4 часа, пока я отсутствовала. Николай отпускал меня на спевки и после рождения Веры. День спевки — это мой день, остальные дни недели — Николая.

В хоре у нас были прекрасные тенора, сопрано, альты. Пели красиво, с душой. Нередко при исполнении гимна плакали и хористы, и слушатели. Наш хор считался в числе лучших по Сибири. Даже атеист во время суда над Алексеем Козорезовым сказал: «У них красиво поёт хор, да и сам Козорезов неплохой исполнитель». Вскоре Алексея арестовали.

Вместо него стал регентовать Федя Поюнов. Он — рядовой хорист, пел в тенорах. Когда ему предложили взяться за этот труд, не отказался. Вначале ему было очень трудно, нелегко и хору, но постепенно научился, пришёл опыт. Немного времени спустя арестовали и Федю. Гонители рассчитывали, что хор замолчит.

После суда над Алексеем Козорезовым из нашей церкви около 30 членов ушли в зарегистрированную общину, в том числе и несколько ведущих хористов. Хотя и с трудностями, хор всё-таки пел. Помню собрались на спевку, а регентовать некому. Предложили Шуре Козорезовой. Не имея никакого опыта, сестра, сильно смущаясь, приняла этот труд. В воскресный день (помню, собрание было в доме Миши Сигарёва, он в это время был в узах) дорогие братья и сёстры ожидали, кто же будет дирижировать? Принесли скамеечку, поставили перед хором, и на неё встала Шура, потому что была маленького роста. Когда перед молитвой запели гимн, собрание плакало, плакали и хористы. И хотя Шура дирижировала невпопад, хор пел слаженно, потому что с нами был Бог и Дух Святой. Все гимны хористы

знали хорошо, поэтому старались поддерживать Шуру. Слава Богу и она научилась дирижировать.

С возвращением из уз Николая Романовича регентовал Алексей Козорезов. Наш хор запел! Ликовала душа! Ликовали хористы! Но не долго длилось наше торжество: в мае 1971 г. Алексея и Фёдора арестовали вторично. Хор остался без регента. После суда над братьями ушла из хора вся семья Сырниченко, а они были ведущими во всех партиях. Остались немощные хористы без регента. Но Господь проявил Свою силу, и наш хор всё же пел.

Регентовать предложили сестре Клавде Касьяновой, которая возвратилась из уз. Трудно было и ей, и нам. Но наш хор был дружным, никто никогда не превозносился своим голосом, никого не унижали. Алексей Козорезов смог воспитать в нас чувство уважения друг ко другу, не было никаких насмешек над слабостями других. Только любовь ко Христу и к делу Божьему сохранили наш хор от многих духовных болезней. Бог помог выстоять в тяжёлые годы гонений. Все эти годы хор пел постоянно.

После освобождения из вторых уз регентом был Фёдор Акимович Поюнов. В конце 70-х годов в нашем братстве начали действовать регентские курсы, на которые ездили Фёдор Акимович с Сашей Шарковым, который со временем стал постоянным регентом. Фёдор Акимович был рукоположен на пресвитерское служение.

Помню, где-то в конце 80-х годов я была в гостях у детей в г. Ростове-на-Дону. На собрании встретила с регентом Ростовской церкви Виктором Михайловичем Овчинниковым, ныне одним из руководителей Музыкально-хорового отдела Совета церквей ЕХБ. Он интересовался жизнью нашей церкви, пением. Я с сожалением и немного с огорчением ответила:

— У вас четыре регента, а у нас — один, и тот на труде. Послали бы к нам хотя бы одного.

— Хорошо своих подготавливать!

Я не нашла чем оправдаться.

В семье Федорченко Н. И. рос мальчик Андрюша. Он иногда на собраниях пел гимны, учился в музыкальной школе. Позрелев, покаялся, принял крещение. Служители отправили

его на общеплатные регентские курсы. Учился добросовестно. Сегодня у нас два регента. Моё желание сбылось.

(Забегаю вперёд, скажу больше: Николай Романович Савченко, будучи тяжело больным, благословил на служение пением и музыкой родных старших братьев из семьи Федорченко Н. И. когда они ещё были подростками. Теперь Андрей — регент, Николай — дирижёр оркестра. Бог услышал молитвы Николая Романовича!)

ЦЕРКОВЬ УКРЕПЛЯЛАСЬ, НЕДРУГИ НЕИСТОВСТВОВАЛИ

Власти не могли смириться с тем, что Омская церковь росла, укреплялась. В газетах одна за одной появлялись клеветнические статьи о церкви, о служителях. Фамилии Козорезов, Попов, Сигарёв, Савченко не сходили с газетных полос. Богослужения постоянно разгоняли, составляли акты, в которые вносили фамилии проповедующих, поющих. Следили также за теми, кто занимался с детьми и молодёжью.

Весной 1966 г. Михаила Лаврентьевича Сигарёва рукоположили на пресвитера, Николая Романовича — на дьякона.

Летом 1966 г. в Омске в большом дворце культуры состоялся выездной показательный суд над братом Алексеем Тимофеевичем Козорезовым и сёстрами Лизой и Агатой Гармс. Конвой ввёл Алексея в переполненный зал. Все верующие встали. Безбожники в шоке не знали, что делать. Судья приказал: «Садитесь!» Все стояли до тех пор, пока Алексей не занял место рядом с сёстрами на скамье подсудимых. Процесс суда мы записывали в тетради (тогда маленьких магнитофонов ещё не было). Атеисты это учли и на следующих судах прежде чем впустить верующих в зал судебного заседания, рассаживали в нём в шахматном порядке своих людей. Верующие вынуждены располагаться между атеистами, а те зорко следили, чтобы никто ничего не записывал. Если замечали, милиция отнимала записи, а писавших выдворяла из суда, иногда их увозили в милицию. Всё-таки Бог давал мудрость Своим детям, укрывал их, и процесс суда записывали. Приговор суд вынес жестокий. Алексея Тимофеевича осудили на 3 года тюремного заключения. Срок он отбывал в г. Владимире.

ВТОРОЙ СУД

Пётр Прокопьевич Попов в 1931 году был оклеветан и судим, как и тысячи ни в чём не повинных людей по печально знаменитой 58 статье на пять лет лишения свободы.

Пётр Прокопьевич приехал в Омск из ссылки после отбытия второго срока заключения. Скромный, верный труженик Божий хорошо знал, что его в любой момент могут арестовать, но ни одного служения не пропускал. Сколько раз его вместе с другими братьями увозили в милицию, предупреждали, штрафовали, но он неизменно опять шёл на служение.

В 1963 году его рукоположили на пресвитерское служение в церкви. Рукополагал его в нашем доме дорогой служитель братства Александр Афанасьевич Шалашов.

Жену Петра Прокопьевича звали Анной Ивановной. Приятно было смотреть на эту престарелую чету верных Богу христиан. До глубокой старости они любили друг друга и всегда ходили вместе. Жили они по соседству и часто приходили к нам, рассказывали о своей жизни. Мне запомнилось такое событие:

Пётр Прокопьевич отбывал срок на Колыме.

«Однажды заключённый отозвал меня в сторону,— рассказывал Пётр Прокопьевич,— и подал свёрток.

— Ты верующий, возьми эту тетрадь, в ней что-то про Бога написано.

— Где ты её взял? — поинтересовался я.

— Меня заставили жечь архив. Я забросил очередную партию бумаг в топку. Стою, смотрю: все бумаги загорелись, а эта тетрадка не горит, только края чуть прихватились и дымят. Что такое? — недоумевал я. Взял кочергу и, подтащив эту тетрадь к устью печи, выбросил на землю. Она перестала дымить. Я взял её, начал читать, но ничего не понял и решил отдать тебе.

Я открыл тетрадь — а это полностью кем-то переписан-

**Пётр Прокопьевич
Попов**

ное Откровение Иоанна Богослова! Хвала Богу полилась из моих уст! Трепетное счастье наполнило сердце! Несколько лет я не читал Слово Божье, а тут такой драгоценный подарок! Эту тетрадь Бог хранил у меня до конца срока.

Пётр Прокопьевич пел красивым густым басом, у Анны Ивановны — высокое сопрано. Вместе они любили петь гимн: «Время как река течёт...», а Пётр Прокопьевич любил ещё псалом «Путь лежит мой долиной смертной тени...» Старцы очень аккуратны и строги в одежде: он носил вышитую рубашку поверх брюк, подпоясав поясом или ремнём. Она — в чёрной юбке, белой кофточке с длинными рукавами, пиджак и белоснежный платок, подвязанный под бородой.

В 1967 году на бескомпромиссного пресвитера Омской церкви Петра Прокопьевича Попова и моего мужа завели уголовное дело на по статье 142 ч. 2. Николаю Романовичу нести диаконское служение почти не пришлось. За ревностное участие в жизни пробужденного братства его и старца Петра Прокопьевича (79 лет!) арестовали.

На год раньше за участие в майской делегации у здания ЦК КПСС в Москве был арестован А. Т. Козорезов.

Петра Прокопьевича судили за несоблюдение антиевангельского Законодательства о культурах, что для христианина фактически является честью. Чтобы соблюдать это законодательство — нужно перестать быть христианином. И тогда вера в Бога теряет всякий смысл, а христианин делается преступником перед Богом и теряет спасение.

Согласно этому «кровавому законодательству», как его называют сейчас сами гонители, молиться Богу нельзя, возвещать спасение ближним нельзя, воспитывать детей в учении Господнем нельзя, помогать сиротам и вдовам нельзя.

В 1965 году Петра Прокопьевича задержали в Новосибирске и изъяли 185 экземпляров журнала «Вестник спасения» за 1965 год. На суде это поставили ему в вину. Он не отрицал, что вёз духовную литературу, и не считал себя преступником. Напротив, он радовался, что участвовал в распространении евангельской вести, как заповедал Господь.

Суд проходил в здании Ленинского нарсуда 21—22 июля 1967 года. В зал суда верующих никого не пустили, кроме

меня и Анны Ивановны. Братья и сёстры стояли на 30-градусной жаре под окнами здания и молились. В первый день суда у Петра Прокопьевича случился сердечный приступ. Судебное разбирательство прервали.

22 июля оно продолжилось. Главным обвинителем Николая Романовича оказался Павел Иванович Борисанов, наш зять. Он прекрасно видел, как сотрудники оттаскивали верующих от дверей зала суда и вытаскивали на улицу. Видел верующих молящимися под окнами нарсуда.

Николай Романович Савченко и Людмила Леонтьевна перед первым арестом, 1967 г.

В своих показаниях Павел Иванович хвалил моего мужа, как отца и вообще, как хорошего человека.

Судья закричала: «Борисанов! Вы что говорите? Вот ваши показания. Здесь записано, что Савченко избивает детей за то, что они не хотят молиться и ходить на собрания! Что он жесток с детьми, женой! Совращает молодёжь и многое другое!»

Павел сказал, что на допросе он был немного выпившим и то, что записано, такого не говорил. «Меня заставили подписать протокол допроса. Вы творите беззаконие над верующими и сегодняшний разгон верующих — доказательство этому!»

Атеисты и судебная коллегия негодовали. После суда Павла вызывали во все инстанции, угрожали, исключили из партии. Так повернул Бог сердце Павла во время суда. Николай Романович очень благодарен ему.

Осуждённых братьев из зала суда увозили в тюрьму. «Воронок» подъехал вплотную к крыльцу здания. Милиция плотным кольцом окружили осуждённых братьев и втолкнули их в машину.

Помню, ко мне прижались мои ещё маленькие сыновья, Миша с Ваней, и, горько плача, спрашивали: «Куда? Зачем увез-

ли папу?» Я в тот момент не плакала.

«Даже не заплакала! Вот они какие!» — услышала я упрёк от неверующих.

В основу обвинения по статье 142 ч. 2 легли: нарушения законодательства о религиозных культах, занятия с детьми (воскресная школа), молодёжью, клевета на советскую действительность и т. д.

Петра Прокопьевича и Николая Романовича осудили на 3 года.

НАШИ ДЕТИ ВСТАВАЛИ НА ПУТЬ СТРАДАНИЙ

В школах дети верующих родителей занимались относительно спокойно до 7 ноября. К этой дате обычно всех первоклашек принимали в октябрята. Искренне верующие родители постоянно молились о детях, старались воспитывать их в христианском духе. Объясняли им, что октябрятская, пионерская организации и комсомол это — безбожные организации, находиться в них верующим не положено. И вот наши крохи отказывались вступать в октябрята, пионеры, прикреплять звёздочки, повязывать пионерские галстуки, заявляя, что они — верующие. Мой сын Миша встал перед классом и сказал: «Я — верующий, поэтому вступать в октябрята и носить звёздочку не буду». Эти слова сына несколько раз судья повторял во время суда и они легли в обвинение нашим братьям. Эти же слова перепечатывались во всех клеветнических статьях газет, журналов.

Отказавшись вступить в безбожные организации, дети верующих родителей, в том числе и наши, вступали вместе с родителями на путь страданий, гонений, унижений. Их злословили, учителя занижали оценки, их всячески обзывали и избивали ученики. И, если бы не великая милость и сила дорогого Бога, если бы не Его защита и постоянная помощь, не устоял бы ни один ребёнок против этого огромного Голиафа-атеизма.

Особенно часто бил мою дочь Люду сильный мальчик Серёжа Богданов. Он выделялся жестокостью из всех детей и бил Люду кулаком в живот, в бока. На наши неоднократные заявления классному руководителю, директору школы по поводу та-

кого произвола, всегда отвечали: больше этого не повторится. Однако Люду били до 5-го класса. Я хотела поговорить с этим мальчишкой, но Люда меня умоляла: «Молчи, мама, а то он меня совсем изобьёт». Как-то я все же встретила Серёжу и спросила: «Скажи, за что ты бьёшь Люду? Что она тебе сделала? Может, она обзывает тебя, обижает? Объясни мне, я с ней разберусь сама. Ты знаешь, где мы живём (он жил недалеко от нас), приходи и обо всём расскажи мне». Он стоял и молчал. С этого времени он перестал бить Люду сам и другие мальчишки.

Били и Мишу. Помню, как-то он прибежал домой по снегу в одних носках,— мальчишки сорвали с его ног ботинки и бросили их на крышу сарая. Подзатыльники, пинки для моих детей были постоянным явлением.

Опережая события, скажу: Миша, выдержав с помощью Господа все гонения в раннем детстве и отрочестве, в юности решил посмотреть на мир и проверить: правда ли опасно всё то, что творится в греховном мире, о чём мы, родители, так много предупреждали детей.

Посмотрел... и остался в этом страшном болоте, упал в пропасть, из которой Бог вытащил его только в 1987 году. С каким ужасом он вспоминает эти годы. Душа его плакала и томилась, валилась к Богу, хотя он жил во грехах.

Ваня до сих пор «смотрит мир», томится душой и телом, страдает, но не может вырваться из сетей дьявола.

Милые дети и молодёжь! Не увлекайтесь миром, в нём нет ничего святого. Не завидуйте живущим богато и весело,— всё это обман. Дьявол завлекает души весельем, пьянкой, телевизором, наркотиками, пошлыми играми, а потом погружает в бездну греха и разочарования. Враг душ человеческих опустошает душу, лишает её силы и разума. Бойтесь Бога, слу-

Дети Н. Р. Савченко
перед первым арестом отца, 1967 г.

шайте наставления родителей. Читайте Библию, молитесь и обретёте спасение во Христе.

В прежние годы пели замечательный гимн, призывающий молодых людей удаляться от соблазнов греховного мира.

Стоишь на пороге ты в вечность,
Зовёт тебя счастье: «Приди!»,
Но мир так красив и так манит
Как будто цветы на пути.
А змей, укрываясь цветами,
В них жало своё притаил:
Он ловок, чарует грехами,
Но ты отвечай ему: «Нет!»

Прпев: Но ты отвечай ему: «Нет!»,
Хотя бы красивым был грех.
Цветы, о цветы, не рви их, не рви,
Но дальше и дальше иди.

Друзья так прекрасны порою
И сладки слова их любви,
Но часто горячей слезою
Омоешь ресницы свои.
И, если друзья искушают
Идти, где не будет Христа,
Пусть розами путь устилают,
Но ты отвечай только: «Нет!»

Прпев: Твой друг, лучший друг Иисус.
Иди с Ним, куда Он зовёт.
Он горе твоё, и радость поймёт,
Иди с Ним, куда Он зовёт.

Когда твоё сердце наполнит
Святой Дух и дивный Христос,
Иди в мир с оружием веры,
Не бойся, всё зло победишь.
Но, если хоть капля сомненья
Таятся в душе у тебя,
Ты громко в ответ всем мученьям
Скажи: «Здесь победа моя!»

Прпев: Борьба со грехом тяжела,
Сомненья так трудно прогнать.
Но только борьба к победе ведёт!
О, воин Христа, твёрдо стой.

ГЛАВА III

«Уклад духовной жизни братства мы брали с первоапостольского листа, с Евангелия, от Духа Святого. И то, что сегодня создано,— благослови нас Господь сохранить, чтобы мы не растеклись на всевозможные церковные подразделения. Будем жить одной семьей. Будут нас снова бить и гнать — пусть наши дети видят: это станет для них лучшей воскресной школой! Будут ли проводить в нашем доме обыски — это тоже лучшая воскресная школа для наших детей. Придется ли снова ездить на свидания в тюрьмы к отцам — пусть едут! Это тоже прекрасная школа. Пусть и дети узнают, на что нужно идти, любя Господа! Пусть и они приобщаются к жизни благочестия, за которую мир непременно будет нас гнать! Пусть и наши дети становятся новыми людьми! И тогда наши церкви станут наполняться сознательными глубокими христианами. И первый пример, и первую проповедь, которую мы должны будем сказать нашим детям,— это то, что мы проповедуем Христа распятого, Божью силу и Божью премудрость. Пусть они видят, что и мы сораспяты Христу и каждый день предаемся на смерть ради святости, ради благочестия.»

(Г. К. Крючков «Вестник истины», № 2, 1994 г.)

ПАМЯТНОЕ СВИДАНИЕ

После суда Николая Романовича отправили отбывать срок (3 года) в колонию строгого режима № 2 в посёлке Береговой Омской области. На первое 3-суточное свидание я поехала с пятью детьми. Николай Романович просил меня пронести Библию. Я положила её в наружный карман большой сумки с продуктами. Думала: как только поведут на свидание, 8-летний Миша спрячет её под пояс брюк, детей, наверное, не будут обыскивать. Сын с удовольствием согласился, но я не успела отдать ему Библию, как перед нами открылись три железные двери и нас ввели в комнату свиданий.

— Лучше сами признавайтесь, что в ваших вещах запрещённое! — сказал вошедший для проверки прапорщик. — Если что-то найду, сразу лишу свидания!

Дети испугались. Дрогнуло и моё сердце. Горячая молитва, вернее, безмолвный вопль вознёсся к Богу: «Боже, сохрани Твоё святое Слово!»

Прапорщик раскрыл сумку и, внимательно осматривая, стал выкладывать содержимое. Сумка освобождалась, а та её сторона, где снаружи в кармане лежала Библия, под её тяжестью склонилась сначала на руку прапорщика, а потом и на стол. Пересмотрев всё, он даже не заглянул в карман и сказал: «Можно складывать продукты на место». Во второй сумке, заметив чуть отпоротую подкладку, он тщательно осмотрел дырочку — не спрятала ли я там что-нибудь.

Прапорщик ушёл, и вскоре привели Николая Романовича. Мы рассказали ему о явном чуде и отдали Библию. Он заплакал и, поцеловав святую Книгу, сказал: «Пока вас проверяли, я всё время молился».

Младшей дочери Верочке в то время было два года (всего в семье шесть детей). Отца она не узнала: остриженный, в серой робе, очень похудевший. Слезы стояли в глазах отца. Только на вторые сутки Верочка подошла к нему и осторожно потянулась ручонкой к карману с конфетами. На третьи сутки она уже крепко обнимала папу и звала его домой.

Во время свидания Николай Романович предупредил меня, что главарь наркоманов в зоне заинтересовался нашей семьёй и просил наш адрес.

«Мы знаем, что твоей семье живётся трудно, — много детей. Сообщи жене, что к ней изредка будут заносить и оставлять небольшой груз, а другой человек будет забирать. Это всё! Никуда твоей жене не нужно ходить. За это она будет иметь немалые деньги. Она — человек надёжный, таких у нас ценят».

Николай Романович решительно отказался: «Ни в коем случае я не разрешу жене этим заниматься, и адрес вам не дам!»

Николай Романович умолял меня ни под каким предлогом не выходить с ними на связь. «Если даже они другими путями разыщут наш адрес и придут к тебе с таким предложением, постарайся даже не разговаривать с ними», — просил он меня.

Один из этих людей — расконвоированный заключённый. Он, кстати, нёс наши сумки на свидание. Николай Романович попросил меня запомнить его, высокого, немолодого. Я не обратила на него внимание, так как сильно переживала, как пронести Библию.

ОБЩЕНИЯ ЖЁН УЗНИКОВ

В те годы служители Совета церквей три—четыре раза в год проводили общение для жён и родственников узников Западной и Восточной Сибири, Алтайского края, Северного Казахстана. Собирались в основном в Барнауле и Новосибирске по 30—35 человек. Общение проводил К. К. Крекер, а когда его арестовали, Д. А. Пивнёв. Многие служители тогда находились на нелегальном положении, за ними постоянно следили.

Повестка дня общения почти всегда одинаковая: слово назидания, сообщения о заключённых братьях и сёстрах, духовное и материальное состояние в семьях узников, составление ходатайств, телеграмм в вышестоящие органы власти о тех, кто подвергался особым притеснениям со стороны администрации лагерей или в армии.

Сколько молитв возносилось к престолу благодати из уст жён, матерей о мужьях и детях! Служители ободряли нас Словом Божьим, молитвами, сердечным участием. Обычно я уезжала на трое суток.

ИВАН ИВАНОВИЧ ТИМОШЕНКО

Однажды вернулась домой, дети сказали: «К нам приходил какой-то дядя в шляпе, надвинутой на глаза, спрашивал: где мама?» Сразу же мелькнула мысль: не наркоман ли наведался?

Вскоре после этого вечером, уже начало темнеть, кто-то постучал в окно. Я посмотрела — мужчина. Он попросил меня выйти на улицу и поговорить.

«Долго я вас не задержу»,— сказал.

По внешнему виду, росту и годам он походил на человека из лагеря. Помня наказ мужа, я ответила ему:

«А может, я вообще не хочу с вами разговаривать?»

Он немного постоял, потом коротко ответил: «Ну, что ж? Тогда оставайтесь с миром», и ушёл.

«Оставайтесь с миром...» — звучали в ушах слова незнакомца. Думаю, такие слова мог сказать только христианин. Меня словно током пронзило: а если это брат? Я оделась, вышла на улицу — никого. Побежала на автобусную остановку, нигде этого человека не видать. Зашла к соседям (они посещали зарегистрированную общину), спросила: может, они кого-нибудь посылали? И они никого не видели. Тревога не покидала сердце несколько дней.

Как-то я пришла к Сигарёвым, они ужинали. За столом вместе с ними сидел незнакомый мужчина. Он спросил, как поживает наша семья, как здоровье Николая Романовича, пишет ли он семье письма. Отвечая на его вопросы, я вспоминала: где я видела его? И вдруг тяжёлая догадка обожгла моё сердце: не его ли я отправила в тот вечер от окна?

— Не вы ли приходили к нам вечером? — осмелилась я спросить.

— Значит, не должна состояться наша встреча. Я три раза приходил к вам, — улыбнулся он.

Со стыдом я просила у него прощение, пыталась объяснить причину, как муж просил меня даже не разговаривать с курьером наркоманов. Он поднялся из-за стола и сказал:

— Хорошо, сестра. Я очень спешу на электричку. — И ушёл.

— Кто это? — спросила я у Миши и Кати Сигарёвых.

— Разве ты не знаешь? Это Иван Иванович Тимошенко, брат из зарегистрированной церкви. Он посещает семьи всех узников, ободряет, помогает материально, продуктами!

Я знала, что Тимошенко судили на производстве за верность Господу. На суде он вёл себя как подобает христианину. Его понизили в должности, но лично брата я не знала. Больно и стыдно мне до сих пор, что я не захотела разговаривать с братом, который трижды протягивал мне руку помощи.

Позже, когда Николай Романович освободился из первых уз, мы встретили брата Тимошенко с женой. Николай Романович объяснил причину моего нехорошего поступка, но чувствовалось, что горечь на душе у брата осталась.

НЕ УЗНАЛИ РОДНОГО УЗНИКА

В колонии № 2 Николай Романович пробыл 8 месяцев. Затем его перевели в колонию № 3 на земляные работы. Он всегда свято чтит Божий день — воскресенье — и никогда на свободе не работал в этот день, тем более в неволе. Понимал, что за это ему не миновать штрафной изолятор (ШИЗО), но, любя Бога, сознательно шёл на это. Так и произошло.

Полуголодное существование, ШИЗО, тяжёлые работы настолько подорвали его здоровье, что ни я, ни дети, ни два родных брата не узнали его, когда пришли на очередное общее свидание. Искали глазами родного узника и не обратили внимания на сидящего в углу человека — это был болезненный скелет с ввалившимися глазами. Потрясённые, мы минут двадцать не могли сказать ни слова — плакали. Плакал по ту сторону барьера и наш дорогой узник.

«Давайте говорить, время идёт!» — очнулась я. За нами постоянно наблюдали сотрудники администрации. Николай Романович говорил очень тихо. Сколько мог, рассказал о жизни в зоне и попросил церковь совершить о нём молитву. По возвращении домой я передала его просьбу церкви. Насколько горячо и искренне молились братья и сёстры о дорогом страдальце — трудно передать!

Позже Николай Романович вспоминал:

«Обессиленный я лежал на нарах, зная, что в пятницу Божий народ будет молиться обо мне. Судя по времени, к концу богослужения я почувствовал, что болезнь уходит. Никакой боли не осталось, хотя слабость ещё присутствовала. Почувствовав прилив сил, я тут же преклонил у нар колени и сердечно поблагодарил Бога за чудесное исцеление».

Тяжёлое состояние здоровья Николая Романовича принудило администрацию лагеря разрешить досрочно передать пятикилограммовую продуктовую передачу. Тогда я не знала, что за этой добродетелью скрывался подвох: в газете «Омская правда» напечатали большую статью, якобы Николай Романович жив и здоров, а я распространяю ложь о болезни мужа.

«ПУСТЬ ЕДЕТ НА СЕВЕР...»

В середине зимы 1968 года от Николая Романовича перестали приходиться письма. Я приехала в штаб колонии к цензору выяснить причину. Он направил меня к замполиту лагеря. Тот, смеясь, издевательским тоном заявил:

— Ишь! Задумал тут порядки свои устанавливать! Пусть едет на Север и валит лес! Он отправлен на этап!

— Куда?

— Пришлёт письмо и узнаете.

С тяжёлым сердцем я вернулась домой: его отправили на этап без тёплой одежды и продуктов. Начались тревожные дни ожидания и усиленных молитв семьи и церкви. Месяца через полтора получили долгожданное письмо: «Жив, здоров, работаю на лесоповале» и адрес: Свердловская область... Нашли по карте — это Северный Урал, тайга.

Обо всём, что он перенёс, я позже узнала на свидании. (Свердловская пересыльная тюрьма известна нашим узникам голодом, переполненными камерами, вшами и всевозможными болезнями.) Там Николая Романовича вместе с другими заключёнными погрузили в столыпинские вагоны и 500 км везли на Север до г. Тавды. Затем пересадили в крытые машины и, стоя, в 40-градусный мороз, под усиленной охраной с собаками везли более 200 км по замёрзшей реке Тавде. Конвойные солдаты сидели в тулупах и валенках, а заключённые — в телогрейках и эковских ботинках стояли, плотно прижавшись друг к другу. У Николая Романовича ноги примёрзли к стелькам, хотя он и был в шерстяных носках. На ухабах заключённые падали от усталости и холода. Кто падал, на тех натравливали собак.

Вдоль берегов неширокой реки Тавды стоят вышки, на них дежурят солдаты, а вокруг — непроходимая тайга, болота. По реке сплавляют лес. На высоком правом берегу возведена насыпь, протяжённостью около трёх километров. Сюда на двух небольших платформах по узкоколейной железной дороге доставляли спиленный лес, хлысты (срубленное высокое дерево с обрезанными ветвями). Здесь его распиливали, сортировали и скатывали вниз. Заключённые ловили брёвна, сбивали их в плоты и спускали на воду. Плоты часто разрывались, часть

брёвен уплывала, часть тонула. Утонувшие брёвна иногда упирались одним концом в дно реки и создавали большую опасность для судоходства.

В ОПАСНЫЙ ПУТЬ — ОДНА

3 октября 1969 года Николаю Романовичу разрешили общее и личное свидание и я, закупив около 20 кг продуктов, поехала. Перед поездкой я три месяца не могла ходить, болели ноги (тромбофлебит). В Омске мне помогли сесть в поезд, в Свердловске воспользовалась услугами носильщика. Приехала в Тавду, спросила, как добраться до пристани. Мне пояснили, что нужно на этом месте стоять и ждать автобуса. Минут через 20 подошёл незнакомый человек:

— Я вижу, вы приезжая, что-то ожидаете...

— Автобус до пристани.

— Автобус туда не ходит! Через 40 минут отправляется "Ракета". Спешите, она ходит раз в сутки...

Километра два я шла с тяжёлыми сумками и рюкзаком за плечами, превозмогая боль в ноге. Мысль, что не успею на «Ракету» и опоздаю на свидание, обжигала сердце. Мольба о помощи возносилась к Богу из глубины души. Пот и слёзы заливали лицо. Подойдя ближе к пристани, я увидела переполненный людьми катер и человека, поднимавшего трап. Кричать сил не осталось. Бог побудил кого-то заметить меня, спешащую, и они попросили не убирать трап. Нужно ещё купить билет. Почти ползком я поднялась по крутому берегу к кассе, купила билет, спустилась, зашла по трапу и катер отправился. Только один Бог помог мне в те трудные минуты донести тяжёлый груз.

Катер переполнен, сесть негде. На первой остановке сошли те, кто ехал в тайгу собирать клюкву и бруснику, и я смогла опуститься на освободившееся место и перевести дыхание.

Рядом оказалась пожилая женщина и мужчина лет сорока. Они тоже ехали на свидание в зону, но дальше, чем я. Вечер. Стало быстро темнеть, на реку опустился густой туман. Катер причалил к берегу у ближайшего посёлка Таборы и отправится в путь лишь после того, как сойдёт туман.

Всем пришлось сойти на берег. У реки ютился какой-то домик. Оказалось — небольшой вокзальчик. Вошли. Чуть тёплая печка. Окно с выбитым стеклом. Холодно. Мужчина нашёл где-то картон и закрыл окно — нам предстояло здесь ночевать. Вдоль стен стояли две широкие скамейки. Мы расположились поужинать. Неожиданно тишину нарушил звон разбитого стекла и нахальный смех. Мужчина выскочил, но никого не увидел. Через полчаса выбили второе стекло...

Попутчик спросил меня: «Как вы не побоялись пуститься в такой опасный путь одна? Вы знаете, что с вами здесь может произойти?»

Мой Господь позаботился обо мне и послал помощь вовремя.

По милости Божьей свидание состоялось. Из рассказов мужа я узнала много скорбных подробностей о его узнической жизни, о чудной охране Господней и защите от преступного мира.

ЧУДЕСА ЗАЩИТЫ ГОСПОДНЕЙ

Я уже упоминала, что лагерь, где Николай Романович отбывал срок, окружали непроходимые болота. Глубоких ям, котлованов там не роют. Летом, когда земля оттаяла, заключённых, в том числе и Николая, заставили рыть траншею. Углубятся немного в землю и сразу же вдоль стен траншеи ставят щиты и укрепляют их распорками. Затем опять углубляются, опускают деревянные щиты, устанавливают распорки, иначе жижа сразу же заполнит пространство. Углубились метра на полтора. Бригада ушла на обед. Николай Романович, собирая лопаты и прочий инструмент, задержался. Вдруг слышит внутренний голос: «Быстрее поднимайся из траншеи!» Он повиновался этому голосу. Бросил всё и стал выбираться. Только подтянулся и когда обе его ноги были наверху, — всё затрещало! Распорки вылетели и щиты плотно сомкнулись. Грязная жижа моментально заполнила траншею, сравнив её с краями земли. Если бы Николай остался в траншее, его накрыло бы щитами и раздавило. Господь чудным образом спас ему жизнь.

Второе чудо: по весне, в мае, стало тепло, светило солнце. Николай Романович решил после обеда немного отдохнуть

в рядом стоявшей бортовой машине. Поднялся в кузов, помоллся, лёг и незаметно заснул. Проснулся от возбуждённого разговора заключённых. Он спустился вниз.

— Николай Романович, воистину твой Бог сегодня спас тебе жизнь! Мы хотели загружать в машину большие детали. Подняли одну, раскачали и хотели бросить в кузов.

— А если в кузове есть кто-нибудь? Ну-ка посмотри,— сказал заключённый. Опустили на землю деталь, посмотрели, а ты там спишь! Если бы мы её бросили, то размозжили бы тебе голову!

Господь воистину «милосерд и благ к надеющимся на Него, к душе, ищущей Его» (Пл. Иер. 3, 25).

«Я БОЮСЬ ГРЕХА БОЛЬШЕ СМЕРТИ...»

Заключённым на строгом режиме положена одна пятикилограммовая передача в год и отоварка в лагерном ларьке на пять рублей в месяц. Зэки покупали в основном спички, курево, чай. Николай покупал пряники, которые очень любил, или повидло. Жиров никаких не продавали. Чтобы зэки не выпрашивали и не отнимали чай (из него варили чифир. Чай — большой дефицит в лагере.), Николай никогда его не покупал, хотя очень любил пить чай.

Однажды Николай Романович стоял в очереди за отоваркой. К нему подошёл главарь лагеря:

— Сегодня ты возьмёшь мне чай и спички,— приказал.

Если не исполнить приказ, будет расплата. В душе Николая началась борьба, но она длилась недолго. Он решил лучше умереть, чем пойти на поводу убийц. Подошла его очередь, зэк наблюдал.

Николай не купил ни чай, ни спички.

— Ночью поговорим! — тихо сказал главарь.

Николай Романович, прекрасно зная, какой будет разговор, упросил главаря отойти в сторону.

— Я — христианин. За верность моему Богу отбываю срок. Курить табак и пить чифир — грех. Я боюсь греха больше физической смерти. Если ты убьёшь меня, я пойду к моему Богу в жизнь вечную, если же я сделаю грех, то умру духовно на-

всегда и буду мучиться вовеки в аду. Поэтому я не купил тебе ни спички, ни чай.

— Только по этой причине? — уточнил главарь.

— Да. Теперь что хотите, то и делайте со мной. Я боюсь Бога.

— Хорошо, что ты мне сказал об этом.

Позже этот человек запретил другим обижать Николая Романовича и сам относился к нему с уважением.

ВСТРЕЧА

Приближался конец срока. Я поехала встречать Николая Романовича с семилетним Ваней. Вместе со мной поехали старец Григорий Карпович и молодая сестра Лиза Колосова. Бог хранил нас в пути. Утром 20 июля 1970 г. мы приехали в посёлок Новоселово.

Остановились в гостинице. Николая Романовича должны освободить рано утром 22 июля. В свободное время мы решили пройтись по посёлку, сходили на маленький местный аэродром — небольшое гладкое, очищенное от деревьев и кустарников поле, поросшее по обе стороны взлётной полосы пышной зеленью. Красивые, крупные цветы в изобилии росли на нём! Дивная таёжная красота пленила наш взор! Мы любовались природой, дышали чистым воздухом, наслаждались особой тишиной, прославляя Создателя Вселенной за Его могущество и мудрость.

Девственная тайга, которую я видела только на картинках, окружала нас. Мне захотелось хотя недалеко, но зайти в неё. Все приняли моё предложение, кроме Григория Карповича. Он с улыбкой посмотрел на нас и сказал: «Я лучше посижу здесь и подожду вас». Ваня забежал в лес первым, мы шли поодаль. Вдруг Ваня закричал, закрыл руками лицо и бросился бежать назад. Я не поняла, что с ним случилось. И тут мы входим в лес. Внезапно облако огромных комаров буквально облепили нам лицо, руки и начали жалить. Мы, как и Ваня, закрыли лицо руками и побежали из прекрасной тайги.

Подошли к Григорию Карповичу. «Ну как? Посмотрели тайгу?» Очень быстро пропало у меня желание посмотреть её вблизи. А ведь наши дорогие братья и сёстры, отбывающие за вер-

ность Господу срок на Севере, жили в тайге и работали.

По пути домой я рассказала Николаю о нашем путешествии в тайгу и спросила: как же заключённые переносят эти страдания? Он рассказал, что им дают мазь, похожую на дёготь, которая отпугивает комаров. Ею даже покрывают дверные и оконные косяки, стены туалетов и т. д.

Николая Романовича освободили рано утром 22 июля 1970 года по окончании срока. Самолётом долетели до Таборов, где он получил паспорт и другие документы. До Тавды плыли на ракете. Получив в Управлении всё необходимое, мы отправились домой.

ТВЁРДЫЙ В ДУХЕ И ВЕРЕ СТАРЕЦ

Пётр Прокопьевич Попов возвратился из последних уз в возрасте 82 лет ослабевший физически, но твёрдый в духе и вере.

В октябре 1967 г. умерла его верная спутница Анна Ивановна. Он очень скорбел, что не смог проводить её в последний путь и попросил меня сходить с ним на могилу Анны Ивановны.

Глубокий старец опустил на колени, руками обнял осевший холмик земли, и горячие слёзы потекли по его щекам. Тихие стоны вырывались из его груди, губы шептали молитву. Только Бог утешил Своего слугу в эти минуты.

Очень медленно мы возвращались домой. Ещё и ещё раз я рассказывала ему о скоропостижной кончине Анны Ивановны, её похоронах (она умерла от инфаркта).

Пётр Прокопьевич не устранился гонений и вновь принял на себя пресвитерское служение, потому что второй пресвитер, Сигарёв Михаил Лаврентьевич, в это время находился в узах, и сестра Клавдия Касьянова.

Пётр Прокопьевич с трудом совершал крещение. Николаю Романовичу ещё не рукоположенному, церковь поручила нести служение. Он проповедовал, совершал необходимые поездки по церковным делам.

ГЛАВА IV

«Глядя на жизнь родственников узников, не всегда можно определить, кто больше страдает: узники по ту сторону проволоки или их родственники — по эту сторону. Ведь по существу и те и другие не свободны».

Г. К. Крючков

Б

ВРАЖДА И НЕНАВИСТЬ

богослужения проходили по домам. Редко какое собрание не разгонялось милицией, депутатами и дружинниками. Гонители всегда составляли протокол на хозяина дома и проповедников.

Чаще всех в протоколах значились фамилии: Попова, Поюнова, Козорезова, Савченко и позже — Терехова.

Штрафовали на 50 рублей каждого, многих по несколько раз. Верующие не выплачивали штрафы: их удерживали из зарплат и пенсий, которые и без того были мизерными — 12—25 рублей. Сёстры-старицы особенно в Русской Поляне по нескольку месяцев оставались без денег, но богослужения не прекращались ни в городе, ни в сёлах. Бог укреплял в вере Свой народ.

Атеисты старались вызвать в народе ненависть к верующим: на лекциях, в газетах распространяли клевету, называли врагами народа, мракобесами, тунеядцами; на производствах устраивали товарищеские суды и от имени рабочих требовали наказания верующих, привлечения их к суду.

В Омске проходили межобластные семинары атеистов. На них обучали безбожников дру-

гих областей, как бороться с верующими.

В одном из залов областного музея на огромном стенде подготовили выставку фотографий верующих. Вверху стенда поместили увеличенные портреты Козорезова, Сигарёва, Поюнова, Савченко, Терехова. Под портретами подпись: «Идеологические диверсанты», а ниже — фотографии верующих с искажёнными лицами, заснятые во время разгонов собраний. Под стеклом витрин — конфискованные у верующих Библии, тетради со стихами и псалмами, письма, магнитофоны. Вся духовная литература названа клеветнической на советскую действительность.

На эту выставку везли из всех районов области студентов ВУЗов, техникумов, училищ, учеников школ. Экскурсовод не скупилась на явную ложь, чтобы показать верующих в самом мрачном свете. Эти семена вражды с удовольствием сеялись в юные и детские сердца, чтобы отравить их сознание неверием в Бога и вызвать жгучую ненависть к верующим.

Не помню в каком году собрание проходило в доме сестры Марфы Петровны в посёлке Южном. На небольшом расстоянии напротив дома в лесозащитной полосе установили телевизионные камеры и снимали всех, идущих на собрание. Во время служения гонители зашли в дом, составили акт. Получился минут на 40 фильм о верующих. Он сопровождался тяжёлой музыкой и комментариями диктора. Его демонстрировали везде, где только можно.

По пятницам на телевидении организовали передачу под рубрикой «Для верующих и неверующих». Вела её следователь прокуратуры Костарева С. В. (она делала обыски в домах верующих). Несколько раз присутствовала при обыске и в нашем доме.

Костарева вела уголовное дело Николая Романовича и защитила кандидатскую диссертацию.

А сколько унижительных радиопередач о верующих, статей в газетах и журналах! (Я хранила некоторые из газет, но во время последних обысков в 1985 г. их изъяли.)

ВСКРЫТАЯ ПОСЫЛКА

В начале 70-х годов некоторым верующим приходили посылки из Америки. Пришла и на моё имя. Получали их на глав-

почтамте. Когда я предъявила извещение и паспорт, мне предложили пройти в кабинет, где находились трое гражданских лиц. Один представился работником почты, другие молчали. Сердце подсказало: атеисты замышляют что-то недоброе против нашей семьи. Я не ошиблась.

Мне показали посылку и объяснили, что при транспортировке повредилась упаковка и сама коробка, в которой находились вещи, а они, мол, не имеют права выдать такую посылку. Её нужно вскрыть, все вещи сличить с описью, прилагаемой к посылке, всё взвесить и составить акт. Подписать его должны работники почты, специальный представитель и я, и тогда они отправят этот акт в Америку. Я сказала: «Посылку открывать не разрешаю и беру такой, какая есть, и акт подписывать не буду». Меня никто не послушал, посылку вскрыли, всё взвесили, составили акт и отдали мне. Не знала я, что в комнате скрытым магнитофоном фиксировался весь наш разговор.

Вскоре в «Омской правде» появилась статья «Заморский подарок». В ней подробно описали мой разговор с работниками, отказ вскрыть посылку и какие вещи в ней находились. Далее в газете помещена невообразимая клевета на Николая Романовича и его служение, и на других братьев. Якобы Америка рассчиталась с Савченко этой посылкой за клевету на советскую действительность, за подрыв советского строя.

Цеховое собрание завода, где работал Николай Романович, вынесло решение ходатайствовать перед правоохранительными органами изолировать Н. Р. Савченко как чуждый элемент общества. Уголовное дело возбудили незамедлительно.

ДОПРОСЫ ДЕТЕЙ

Начались нескончаемые допросы верующих: взрослых вызывали в кабинет начальника производства, в прокуратуру, в военкомат; детей допрашивали в школах, в училищах.

Наших детей — Наташу, Лену и Мишу — сначала приводили для допроса в кабинет директора школы после уроков. Когда же они ко времени не возвращались домой, я шла в школу, входила в кабинет и уводила детей домой. Мы наставляли их ни о ком из верующих ничего не говорить, потому что дет-

ские ответы ложились в основу обвинительных заключений на родителей.

«Папа, я больше не могу,— плакала наша Леночка,— я не пойду в школу. Я боюсь Костареву» (следователя из прокуратуры, допрашивающую детей в кабинете директора). А позже рассказывала: «Сначала, когда меня и Наташу позвали в кабинет, я сильно испугалась, вся дрожала от страха. Заходим, а за столом директора сидит Костарева. Я взглянула на неё, а она стала уменьшаться, уменьшаться и лицо её сделалось с кулачок. Мне стало так интересно. Весь страх прошёл. Я посмотрела на Костареву и засмеялась. Она ничего не поняла: "Ты чего это, Леночка, смеёшься? Что нашла смешного?" А я подумала: чего я её боюсь, ведь она совсем маленькая!»

Так Господь укреплял наших детей и давал силы устоять в неравной борьбе.

Миша (сын) и Серёжа (племянник, живший во второй половине нашего дома) учились в 5 классе. Директор школы дала Серёже задание следить за всеми, кто приходит к нам, узнавать, как их зовут, куда уходит Николай Романович. За домом установили постоянную слежку.

ОБЫСК — ВЕСТНИК АРЕСТА

Вскоре шесть человек во главе со следователем пришли в наш дом с обыском. Он длился почти 7 часов. За три месяца (февраль, март, апрель) обыскивать приходили четыре раза с интервалом 2—3 недели. В доме не осталось ни открытки, ни письма и ничего из духовной литературы.

Во время обысков бывали и смешные моменты: Костарева дала указание своему помощнику осмотреть наше подполье. Проникнуть в него можно было с другой половины дома. Искали они специальные чернила и дерматин. На помощнике Костаревой был светлый костюм и хорошие туфли. Я не успела ничего сказать, как он открыл крышку подполья и спрыгнул. Сразу же послышался всплеск воды и: «Ой!»

В марте в наше подполье подходила грунтовая вода и стояла до конца ноября. Уровень воды был 40—50 сантиметров. Весной, и после дождей, поднимался ещё выше.

И вот этот мужчина прыгнул в ледяную воду почти по колено. Он ещё прополз на коленях в другую половину подполья, пересмотрел множество пузырьков, но то, что искал, не нашёл. Теперь представьте себе, каким замурзанным, мокрым вошёл он в дом. Обыскивающие и мы давились от смеха.

Перед новым арестом Николая Романовича обыск провели особенно тщательно. Семь человек, не доверяя друг другу, проверяли одно и то же. Один перетрясёт, затем второй, третий снова всё осмотрит. Острым штырём, как пикой, прокололи все матрацы, подушки, одеяла, мешок с мукой. Лёгким прибором в виде трости простучали все стены.

Первым возвратился из школы наш сын Ваня. Его тут же окружили несколько мужчин. Быстро расстегнули пальто, пиджачок, вывернули карманы, проверили портфель:

— Где мама прячет «Братские листки» и «Бюллетени»? — строго спросили.

— Я не знаю таких,— испуганно ответил сынишка.

Тут забежали Миша с племянником Серёжей. Их тоже окружили.

— Прекратите обыск, не пугайте детей! — просила я. Никто на мою просьбу не обратил внимания.

Мальчиков ввели в комнату и приказали раздеться.

— Вы не имеете права обыскивать детей! — возразил Миша.

— Ишь, какой грамотный! Вот чему научили тебя папа с мамой! — возмутилась Костарева.

Несколько мужчин схватили Мишу за ноги, и он полетел на кровать. С него сорвали пальто, пиджак, рубашку, носки, но, конечно, ничего не нашли.

Приступили к Серёже (племяннику), и, даже узнав, что он сын Борисанова Павла, коммуниста, всё равно не остановились, приказали:

— Снимай ботинки и носки!

— Не буду! — заупрямился он.

— Почему?

— Не буду, вот и всё!

— Что, и тебя тётя Люда Савченко обучила?

— Нет. У меня носки рваные...

Ему не поверили. Молниеносно сняли с его ног ботинки,

рванные носки, но — ничего не нашли.

В поисках духовной литературы обыскивающие не раз перекапывали снег во дворе, за сараем; перебрасывали с места на место уголь, перекладывали дрова, но наш всемогущий Господь закрывал глаза гонителям и они не находили то, что так тщательно искали.

УГРОЗА ЛИШЕНИЯ ДЕТЕЙ

Приближался день ареста. Бывало, вернётся Николай Романович вечером с работы — вздох облегчения вырвется: «Слава Богу, пришёл!»

Весной 1971 года я ожидала рождения ребёнка. Состояние здоровья тяжёлое, лицо, руки и ноги отёкшие. В больницу не обращалась, потому что и на меня было открыто уголовное дело, муж видел его.

14 мая 1971 года. Приближалось время обеда. Смотрю — мимо окна прошла сестра Миля Поюнова, на руке — плащ моего мужа... Я всё поняла:

«Арестовали Николая Романовича?»

«Да, и братьев: Лёню, Федю (мужа Мили) и Юру...»

Скорбная весть электрическим током прошла через сердце. Слёз не было. Преклонив колени, мы просили у Бога силы перенести разлуку и сохранить наших мужей в вере.

Я не могла ходить. Острая боль не оставляла меня ни днём, ни ночью. Костарева прекрасно знала о моём нездоровье и специально попросила прокурора выдать ордер на арест мужа до рождения нашего ребёнка.

18 мая я попала в больницу с высокой температурой и давлением 220/190. Вид у меня был ужасный.

«Ты откуда такая?» — кричала на меня дежурный врач.

Я молчала.

Услышав брань, главврач остановила: «Вы что кричите на неё? Женщину немедленно нужно спасать» и обратилась ко мне:

«Милая! Нам нужна расписка от вашего мужа, что за последствия мы не отвечаем».

«Мужа нет дома».

«Как?! Шестой ребёнок и его нет дома?!»

Я не отвечала, потому что почти теряла сознание. Бог сохранил мне жизнь, хотя на третьи сутки после рождения малышки я пробыла в бессознательном состоянии 7 часов. Поместили меня одну в тёмную палату и соблюдали в отделении тишину.

Нам постоянно угрожали, что отнимут детей и лишат родительских прав. Эта злое намерение атеистов была самым тяжёлым испытанием. Поэтому, когда новорождённую мне ни разу не показали и ни разу не принесли кормить, хотя я постоянно об этом просила, в сердце закралась тревога: вероятно, меня хотят лишить детей и этой малютки. Опасения усилились, когда мимо приоткрытой двери палаты прошёл милиционер.

Душевные муки привели меня в шоковое состояние. В бреду я рассказала врачам, что муж арестован без вины, как христианин, что страдаю от того, что у меня отобрали всех детей...

Медленно я приходила в сознание и слышала одни и те же слова: «Люда, дети дома, их не отняли. Люда, дети дома...» Открыв глаза, я заметила, что в палате стал рассеиваться какой-то туман, и я увидела врачей. Одна из них старалась повернуть ко мне лицо моей крошки, моей милой дочурки и говорила: «Люда, вот и твоя девочка, никто её не забрал. Ты будешь её кормить?»

Тёплое, светлое материнское счастье наполнило моё сердце, и я произнесла: «Буду». Никаких вопросов больше мне не задавали. В больнице я пролежала месяц и столько же дома.

Позже на свидании я узнала, что Николай Романович молился через каждые 15—20 минут о моём здоровье в углу камеры, который заключённые отвели для него. Я твёрдо убеждена, что по молитвам мужа Бог сохранил жизнь мне и ребёнку и не допустил страданий сверх сил. Слава, слава Ему!

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ СУД

На свободе Николай Романович провёл всего 9 месяцев. Его пытались даже поместить в психбольницу, а 14 мая 1971 года его и ещё троих омских братьев арестовали вторично.

23—24 июля 1971 года показательным судом судили всех, в том числе и моего мужа — Савченко Н. Р. на 3 года строгого режима, Козорезова А. Т. и Поюнова И. А. — каждого на 5 лет

строгого режима, Терехова Ю. М. — на 4 года общего режима.

В судебном процессе они не участвовали, молчали, потому что исход дела был предreshён. Суд не намеревался выяснять истину, и каждый из подсудимых мог бы сказать словами Христа: «...если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня...» (Лук. 22, 67—68).

Ход суда снимался на телевидение.

Затем арестовали В. И. Федорченко, П. Г. Перерву и И. Я. Винс.

Верующих впустили в зал суда, почти наполовину заполненный атеистами. Они сидели по рядам в шахматном порядке. Записывать судебный процесс очень трудно. Несколько раз сотрудники милиции отбирали у сестёр записи процесса.

Перед началом судебного заседания братья сделали устное заявление, что не доверяют суду разбирать их дело, потому что состав суда безбожный, и отказались от защитников. Суд отверг заявление братьев в отношении доверия суду, но удовлетворил их просьбу в отношении защиты: защитники покинули зал суда.

Братья ни на один вопрос судьи не отвечали: вставали и молчали. Наш дорогой Господь, Который Сам молчал перед Пилатом, дал силы и братьям молчать перед судом.

Братья и сёстры, которые проходили по делу, как свидетели, давали суду положительную характеристику о подсудимых, хотя подвергали себя тем самым гонениям. Атеисты негодовали.

ГОНИТЕЛИ ПРОСЧИТАЛИСЬ

В узы уходили лучшие служители Омской церкви. Гонители рассчитывали, что, изолировав от церкви руководящих наставников, они покончат с Омской церковью. Однако просчитались. Ревностные рядовые братья занимали место ушедших в узы и продолжали начатое Богом дело. Таким был и Александр Егорович Голяшов. Простой, скромный труженик Божий. Он не отличался красноречием и особыми дарованиями, но имел чистое сердце и любовь к Богу. Ему поручали открывать и заканчивать богослужения. Возможно, по этой причине во время разгонов собраний на него составляли протоколы, как на руководителя церкви.

После одного из собраний Александру Егоровичу стало плохо, его увезли в больницу и срочно сделали сложную операцию в брюшной полости. Дней через 10 выписали, но домой пришлось везти на машине скорой помощи, так плохо он чувствовал себя.

Вскоре к Голяшовым нагрянули с обыском и с санкцией прокурора на его арест. Несмотря на тяжёлое состояние здоровья, брата арестовали и осудили на 3 года общего режима.

В лагере ему дважды делали операцию всё по тому же диагнозу. О нём церковь много молилась.

Освободился он из уз со слабым здоровьем и недолго послужил Господу вместе со своей любящей женой Юлией Ивановной. Месяца через четыре после четвёртой операции он умер в больнице.

Юлия Ивановна присутствовала при его кончине и рассказывала, что умирал он с улыбкой на лице, взгляд был устремлён в небо, уста произносили имя «Пётр» и ещё чьё-то имя. Брат остался верным Богу до смерти.

*«Церковь наша — церковь гонимая... и попечение о ней несут прези-
раемые миром, но так необходимые братству и высоко ценимые Господом
служители Христовы. К ним полностью применимы слова Писания:
"Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы,
Дух Божий почивает на вас: теми Он хулится, а вами прославляется"
(1 Петр. 4, 14). Им нередко приходилось платить непосильные штрафы —
но они не оставляли своих собраний; их богослужения подвергали разго-
нам — но они не переставали свидетельствовать о Христе; они преподавали
водное крещение — и за это неоднократно были крещены огнём
испытаний. В большинстве своём они претерпели неоднократные узы, но
остались верными Господу и служению, которое поручила им церковь».*

Г. К. Крючков

Р

ВЕРНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ БОЖИЙ

расскажу немного о служите-
теле Омской церкви — Си-
гарёве Михаиле Лаврен-
тьевиче. Его рукоположи-
ли на пресвитерское служе-
ние в 1967 году в один день
с моим мужем Николаем Ро-
мановичем Савченко. Они,
поддерживая друг друга,
вместе трудились в церкви.

Жена Михаила Лаврен-
тьевича, Екатерина Серге-
евна, была моей подружкой. В 1955 году после
окончания Ленинградского мединститута её
направили работать в Омск. Месяц она жила
у нас, а потом сняла квартиру. Как зубной врач,
она была талантливым специалистом. Люби-
ла больных, и они её любили. По просьбе любо-
го человека она оказывала помощь даже ночью.

Сигарёв М. Л.

У неё и у меня было по 4—5 детей, и мы часто ходили посещать больных. Екатерина Сергеевна никогда не превозносилась знаниями над бедными и малограмотными.

Когда у Екатерины Сергеевны родился восьмой ребёнок, она узнала, что больна лейкозием (лейкемией). Её мужа, Михаила Лаврентьевича, как служителя гонимой незарегистрированной церкви, осудили в 1969 году на три года лишения свободы с отбыванием в лагерях общего режима. Екатерина Сергеевна осталась с восемью детьми и престарелой свекровью Натальей Карповной, которая была прекрасной христианкой. Больная старица благоговела на страдания за Господа сына и из последних сил помогала Екатерине Сергеевне поднимать большую семью. Во взаимоотношениях снохи и свекрови был мир и полное понимание.

В первый год после ареста мужа Екатерина Сергеевна ещё могла ездить на свидания, носила передачи, но день ото дня ей становилось хуже. Вот как рассказывал сам Михаил Лаврентьевич о последнем свидании с женой:

«После свидания с семьёй душа моя пребывала в печали: жена сильно изменилась, здоровье её ухудшилось. Со скорбью в сердце я наблюдал, как она, превозмогая боль и опираясь на палочку, входила в комнату свиданий. Лицо её и руки были в мелких ранах.

Прощаясь, я не удержался и, нарушив запрет, перебрался через барьер, обнял милых деток, маму и верную подругу, не зная ещё, что больше уже не увижу её здесь, на земле».

Врачи пытались помочь Екатерине Сергеевне: дважды делали переливание крови, но болезнь не отступала. Она знала, что умрёт, но не роптала и не отчаивалась, хотя понимала, что детей могут поместить в интернат, так как муж в тюрьме, а бабушка в преклонном возрасте. Один Бог видел её физические и духовные страдания. Только во Христе распятом она черпала силу и находила утешение.

За три дня до смерти я со своей мамой посетила её. Моя Катя (так я называла свою подругу) сидела на кровати. Худая. Глаза полны скорби, но улыбка оживляла её лицо.

В нашем присутствии к ней подошла младшая дочь Любочка и прижалась к ногам Кати. Взять её на руки и приласкать у Кати не было сил, сердце разрывалось на части, и тогда она тихо ска-

зала: «Доченька, пойди погуляй...» Любочка послушно вышла, а Катя попросила нас спеть псалом, который лучше всего выразил глубину её переживаний:

О Господи, склонись ко мне,
Внемли моей мольбе,
Чтоб мне не пасть в земной стране
Сраженному в борьбе.

Ты видишь надо мною гнёт
Моих грехов плотских:
Моя природа к злу влечёт
Во всех путях моих.
И скорби мой терзают дух,
Отрады нет ни в чём;

В душе моей живет недуг,
Нужда и зло кругом.
Пока в долине суетной
Мне суждено идти,
Веди меня, Наставник мой,
Храни меня в пути.
Когда же, Бог, Спаситель мой,
Ты примешь дух к Себе,
Тогда, прославленный Тобой,
Найду покой в Тебе.

Мы спели, помолились и ушли. В ночь на 16 августа моей Кати не стало, она водворилась у Господа.

После её смерти свекровь нашла под подушкой письмо, которое Катя написала Михаилу Лаврентьевичу за несколько часов до смерти. На неполной странице было мало текста, но в нём — ни стонов, ни жалоб, ни завещания, а искреннее утешение мужу-узнику. Это письмо я отправила Михаилу Лаврентьевичу в лагерь с описанием, как проходили похороны.

Сигарёв М. Л.:

«Через месяц после свидания меня вдруг вызвали на вахту. Сердце тревожно сжалось: что-то случилось. Замполит, посмотрев мою карточку свиданий, сказал: "Идите наверх. Разрешаю свидание на 10 минут".

Я поднялся в комнату свиданий. Томительно тянулись минуты ожидания: кого я сейчас увижу? что узнаю? Открылась дверь, и вошёл заплаканный сын:

"Папа, мама умерла", — сказал он и залился слезами.

Вошла моя мама.

"Не с радостной вестью пришли мы к тебе сегодня, сынок... Тяжело нести такие вести за колючую проволоку, ещё тяжелее их принимать..."

Мама коротко рассказала о кончине жены. Мы помолились. Дежурный напомнил, что 10 минут истекли».

Михаила Лаврентьевича на похороны жены не отпустили, хотя верующие и сам он ходатайствовали об этом. Зато началь-

ник отряда из лагеря, где находился наш дорогой узник, присутствовал во время похорон.

Прощаться с Екатериной Сергеевной пришли многие верующие. Стояла жаркая погода. Богослужение проходило на улице. Работники милиции и сотрудники КГБ настраивали народ против верующих, смеялись над Богом: «Ваш Бог жестокий! Разве Он не видит, что остались восемь сирот?!»

По какой-то причине гроб с телом Екатерины Сергеевны врачи повезли на кладбище на своём небольшом автобусе, а переполненный автобус с верующими под видом поломки задержали, не доезжая до кладбища километра два.

Врачи и сотрудники КГБ спешили и хотели опустить гроб в могилу, не ожидая верующих. Видя это, брат Геннадий Патрикеев*, приехавший на кладбище на своём транспорте, твёрдо сказал злоумышленникам: «Если вы совершите это незаконно, мы, все верующие, пойдём по городу с пением!»

Заявление брата возымело действие: работники КГБ поехали к якобы неисправному автобусу. Сразу завёлся двигатель, и верующих доставили к месту, где одиноко стоял гроб нашей дорогой сестры. Погребение прошло благоговейно с пением, проповедями и утешением плачущих детей.

Тяжёлое горе сковало душу нашего дорогого узника Михаила Лаврентьевича. Церковь постоянно молилась о нём и о его осиротевшей семье.

«ПОДХОДЯЩИЙ МОМЕНТ» ДЛЯ ВЕРБОВКИ

Сигарёв М. Л.:

«Трудно описать скорбь, наполнившую моё сердце... Я утешался верой, что Господь, допустивший прервать жизнь моей жены в то время, когда я находился в узах, пошлёт мне утешение и силу перенести эту скорбь, разлуку с семьёй и церковью.

На второй день после известия о смерти жены меня вы-

* Это был друг Михаила Лаврентьевича из зарегистрированной общины. Они работали на одном предприятии. Вместе их судили товарищеским судом, как верных христиан. О коварном замысле гонителей похоронить Екатерину Сергеевну без верующих мне рассказал сам брат Геннадий за несколько дней до своей кончины.

звали в штаб. С тяжёлым сердцем я шёл туда... В кабинете начальника оперчасти сидел работник КГБ Мясников. Это он вызвал меня.

— Я сочувствую вашей утрате, я был на похоронах вашей жены. Исполком позаботится о ваших детях. Мне поручили узнать о вашем желании.

— Дети будут жить с бабушкой,— твёрдо в глубокой скорби ответил я.

— Исполком может согласиться, только цена за это такая: ты должен дать обещание, что по освобождении пойдёшь в зарегистрированную общину... и будешь помогать нам...

— Я не даю никаких обещаний. Мой будущий путь, а также моих детей в руке Господа.

На сердце, переполненное болью, обрушились ещё и угрозы. Безбожник считал, что это самый подходящий момент воздействовать на меня и склонить к сотрудничеству.

Но в скорби моей я не был одинок, и в это время испытывал особенную близость Господа. Могучие руки моего Спасителя несли меня над грозной пучиной скорбей и угроз. Народ Божий также возносил обо мне молитвы».

НЕ ЖЕЛАЕШЬ СОТРУДНИЧАТЬ — АРЕСТ

Михаил Лаврентьевич Сигарёв, освободившись из заключения (март 1972 г.), на свободе пробыл всего три с половиной месяца. Из них за участие в богослужениях он трижды отбывал суточные наказания. Работники КГБ постоянно преследовали его, настойчиво требовали зарегистрировать Омскую гонимую церковь и остаться в ней пресвитером, но при условии сотрудничества с ними. Брату было очень тяжело: дома восемь детей, старая больная мать, жена умерла. Он рассказал о своих переживаниях матери и двум старшим детям: «Мне предлагают стать предателем. Если не соглашусь, угрожают новым арестом». Мать благословила сына на новые страдания. Дети тоже сказали, что не хотят, чтобы их отец был предателем. Михаил Лаврентьевич ободрился, на сердце стало легко. Бог укрепил его и не оставил на пути страданий.

ЗА ВНЕОЧЕРЕДНУЮ ПЕРЕДАЧУ — ПЯТЬ ЛЕТ ТЮРЬМЫ!

И тут произошло следующее: в колонии № 8, где отбывал первый срок Михаил Лаврентьевич, оставался сотрудник церкви из Исилькульского района — больной Яков Рогальский. Михаил Лаврентьевич приготовил ему внеочередную продуктовую передачу и попросил работника по приёму передать её для больного брата. Тот сказал: напиши заявление. Михаил Лаврентьевич написал, вложил заявление в паспорт и ещё 10 рублей (в знак благодарности) и передал в окно для оформления.

За каждым шагом брата следили. На этот раз за окном приёмной оказались именно работники спецслужб! Изъяли у приёмщика заявление и деньги, как «вещественное доказательство дачи взятки должностному лицу». Оформили дело.

Следствие длилось недолго. Суд состоялся в августе 1972 года и длился всего несколько часов. В зал суда впустили всех желающих. Судья затруднялась представить «преступление» Михаила Лаврентьевича «тяжким».

О прокуроре этого сказать нельзя. Он в обвинительной речи выразился так: «Учитывая особую тяжесть совершённого преступления подсудимым: дачу взятки должностному лицу, приговорить Сигарёва М. Л. к пяти годам лишения свободы с отбыванием срока в лагере строго режима. Учитывая то обстоятельство, что у осуждённого нет жены, а мать очень старая, восьмерых детей поместить в интернаты и детские дома до окончания срока наказания». (Передаю речь прокурора по памяти, не дословно.)

Мёртвая бледность выступила на лице Михаила Лаврентьевича. Он опёрся руками на край ограждения, у которого стоял... Присутствующих верующих душили рыдания. Суд удовлетворил запрос прокурора: Михаила Лаврентьевича приговорили к пяти годам заключения в лагере строгого режима. В отношении детей вынесли определение: «привести приговор в исполнение в течение десяти дней».

БОГ ЗАЩИТИЛ СИРОТ

Тревога наполнила сердце старицы, которая опекала детей-сирот. Бог всё видел. Бог знал, как защитить и укрыть семью от злых решений, и умудрил тех, кто всем сердцем сострадал горючим за веру.

Братья быстро продали дом, а родная сестра Михаила Лаврентьевича, Елена Лаврентьевна, не оформляя никаких документов, сразу после суда увезла детей в город Лабинск Краснодарского края. Об отъезде семьи никто не знал. Когда судебные исполнители пришли забрать детей, их дома уже не было. Никто не знал, в каком направлении их увезли.

Сколько было угроз и розысков, но

Наталья Карповна Сигарёва с внуками-сиротами, которых Сигарёва Елена сразу после суда увезла в Лабинск

Бог Своей рукой укрывал сирот. Позже семье отправили контейнер с вещами и передали документы детей из школы.

Ещё до суда над сыном его мать — Наталья Карповна Сигарёва — написала заявление с просьбой смягчить сыну наказание. С этим заявлением мы со старушкой пошли на консультацию к юристу.

Прочитав заявление, она, смеясь, сказала: «Бабушка, не переживайте! Я вам даю гарантию, что ваш сын скоро будет дома, ведь он не совершил преступления. За его действия положено административное наказание — 50 рублей штрафа или несколько месяцев вычета из зарплаты».

Однако атеисты, вопреки закону, проявили жестокость. Разгонами, штрафами, арестами служителей они во что бы то ни стало хотели ликвидировать Омскую незарегистрированную общину братства Совета церквей, а Михаил Лаврентьевич Сигарёв не соглашался на это и категорически отказывался сотрудничать с гонителями и лучше захотел страдать с народом Божиим — отсюда и непомерная жестокость.

Бог ведёт каждого христианина Своими путями и не пошлёт ему страданий сверх сил. В колонии №3, куда отправили Михаила Лаврентьевича, он встретил Николая Романовича Савченко. Оба — служители Омской церкви, оба — узники пробуждённого Господом братства — встреча их была радостной. Сколько благодарных молитв вознесли страдальцы к престолу благодати! Вместе они некоторое время по три дня в неделю постились и молились о детях Михаила Лаврентьевича, чтобы их не разбросали по разным интернатам, и Бог услышал их молитвы и простёр Свою милосердную руку над сиротами.

Вместе они читали воскресный день и в этот день не работали, не посещали политзанятия. И того, и другого часто закрывали в штрафной изолятор, но по разным камерам. Они поддерживали друг друга в трудные часы испытаний, ободряли. Вскоре их разлучили.

В вечность нет иного пути, кроме узкого, и слава Богу, что многие дети Его с благодарностью избирают именно этот путь. Если нет других условий для соблюдения истины Христовой, если наша земная родина не оставляет нам ничего другого, как только гонения за правду, и Господь ведёт нас путём испытания верности нашей, чтобы такой ценой явить миру святость и чистоту, — то мы с радостью приемлем этот путь. Мы молимся об узниках и ходатайствуем о гонимых, и мы будем совершать это с еще большим усердием, потому что это свидетельство нашей верности перед лицом Господа, свидетельство того, что мы делаем правое дело.

Когда снимают отпечатки пальцев наших узников и узниц, — мы не стыдимся, потому что на них — следы верности, следы добрых дел милосердия. И хотя у некоторых из нас нет иного стажа, кроме тюремного, нет иной чести перед этим миром, кроме повсеместного поношения, мы знаем, что это уничтожение, все эти скорби обратятся в драгоценные жемчужины нашей верности и станут драгоценнее золота к похвале, чести и славе Божьей в явлении Иисуса Христа.

(Г. К. Крючков, «Только Христос», с. 24—25)

«ДЕТЕЙ ВЕРУЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ МЫ НЕ УЧИМ...»

70-е годы прошлого столетия были очень тяжёлыми для всего гонимого братства и для нашей Омской церкви. Атеисты прилагали все силы, чтобы отвлечь от веры в Бога детей и молодёжь из христианских семей. Для этой недоброй цели использовали: печать, радио, телевидение, лекции, личные беседы с детьми, угрозы и оболыщения. Детям верующих родителей не давали учиться в техникумах, институтах и в училищах.

Нашей дочери Лене исполнилось 15 лет. Я знала, что учиться ей в техникуме не позволят, поэтому через исполком заручилась направлением для неё обучаться на повара. Она пошла оформлять документы. В автобиографии в графе: где работает отец,— она написа-

ла: «Папа в заключении». Когда приёмная комиссия просматривала документы, её тут же спросили:

— За что сидит отец?

— Он верующий.

— А! Так Савченко твой отец?

— Да.

— Такие дела, милая: или отрекайся от Бога и учись, или забирай документы. Детей верующих родителей мы не обучаем.

Лена вернулась домой в слезах. На этом её учёба закончилась. Наша семья испытывала материальные трудности, и несовершеннолетняя Лена устроилась на консервный завод, который работал в три смены. Лена клеила этикетки на стеклянные банки, заполняла ими ящики и как грузчик переносила их. За три года работы на заводе она подорвала здоровье.

«РАЗойДИСЬ! ПРЕКРАТИТЕ МОЛЕНИЯ!»

Разгоны богослужений в Омской церкви были привычным явлением. Разгоняли иногда спевки хора, богослужения в пятницу и почти каждое воскресное. Как только к дому подъезжала милицейская машина, наши дорогие сестрички, в основном пожилые, выстраивались в несколько рядов в дверных проёмах и стояли молча, не реагируя на крики: «Разойдись! Прекратите моления!» Остальные братья и сёстры молились, пели гимны о страданиях Господа нашего Иисуса Христа и призывные к покаянию. При каждом разгоне пели гимн: «О нет, никто во всей вселенной свободы верных не лишит...» Мы очень радовались, когда в присутствии гонителей удавалось провести богослужение полностью.

Помню, в октябре 1972 года отмечали праздник Жатвы в частном доме Бориса и Надежды Поюновых. Верующих собралось много, приехали молодые братья и сёстры из областных общин. Перед началом богослужения все склонились на колени для молитвы. В это время к дому подъехали сотрудники милиции и подогнали несколько автобусов с представителями власти. Во время молитвы бесчинствующий атеист тихо пробрался к самому столу и в мегафон прокричал: «Разойдитесь! Прекратите незаконное сборище!» Братья и сёстры горячо молились

Господу о защите и помощи.

Гонители не могли переносить молитв народа Божьего и стали поднимать молящихся с колен. Ближе всех к дверям стоял на коленях и громко молился пожилой брат Семён Леонтьевич Сальников, недавно вернувшийся после пятилетней ссылки. Два дюжих парня подхватили брата под руки, вытащили в сени и буквально швырнули его с крыльца. Брат отлетел к воротам.

Затем принялись поднимать с колен других и выталкивать на улицу. Плачущие дети цеплялись ручонками за матерей (их отцы сидели уже в тюрьмах), кричали и не давали сотрудникам милиции уводить их маму. Восемь сирот семьи Сигарёвых окружили свою бабушку и не отходили от неё ни на шаг. Старенькая сухонькая старушка не могла всех обнять и утешала плачущих. Больно было смотреть на эту картину, которая, по-видимому, никогда не изгладится из моей памяти.

ПЕНИЕ В МИЛИЦИИ

Молодёжь Омской церкви вместе с гостями, такими же юными и ещё робкими, оказались в углу дома. Наши молодые братья и сёстры, крепко взявшись за руки, встали в несколько рядов и защищали гостей, которые впервые видели такой разгон. Но силы были неравными. Всех их вытащили на улицу, втолкнули в автобусы и увезли в милицию.

Там их распределили по группам и допрашивали в кабинетах. Вдруг в коридоре кто-то запел: «Земля бесплодная, суровые просторы...» Пение моментально подхватили, и из всех кабинетов слышалось дружное восхваление Бога.

Встревоженные сотрудники милиции не знали что предпринять: одни заставляли молчать, другие с интересом слушали. Закончили эту песню и, ободряя себя, начинали другую, третью.

Всех задержанных переписали, работающим выписали квитанцию оплатить штраф и отпустили. Эти взыскания молодёжь приняла с радостью.

Подошло время провожать гостей. Наша молодёжь, торжественная и радостная, пела христианские гимны на вокзале. Это в те-то времена!

Остальные верующие после разгона богослужения собрались в доме Николая Петровича и без помех провели служение. Поток горячих молитв возносился к Богу за детей и молодёжь, чтобы Он их укрепил, сохранил на узком пути. И Господь вдохновлял не страшиться угроз, побоев и штрафов за открытое исповедание имени Иисуса Христа. Многие юные братья и сёстры тех нелёгких лет — сегодня отцы и матери и служат Богу вместе со своими детьми.

ОБРАЩЕНИЕ

**ко всем церквам Евангельских христиан-баптистов
на территории СССР от церкви ЕХБ г. Омска
ноябрь 1972 г.**

Дорогие возлюбленные братья и сёстры, дорогая церковь Божия! Мы, ваши единоверцы, ваши братья и сёстры г. Омска обращаемся к вам с этим письмом, в котором хотим изложить коротко все скорби и переживания нашей церкви. На протяжении нескольких лет мы испытываем непрекращающиеся гонения и преследования со стороны местной власти. В последнее время эти гонения особенно усилились.

В июле 1971 г. осудили ни в чём не повинных четырёх братьев:

1. КОЗОРЕЗОВА А. Т. к 5 годам лишения свободы, осиротели 10 детей;
2. ПОЮНОВА Ф. А. к 5 годам лишения свободы, осиротели 5 детей;
3. ТЕРЕХОВА Ю. М. к 4 годам лишения свободы, осиротели 8 детей;
4. САВЧЕНКО Н. Р. к 3 годам лишения свободы, осиротели 6 детей.

Всего осталось 29 сирот.

После этого неверного суда атеисты не успокоились. Почти каждое воскресенье в наши молитвенные собрания приходили депутаты, дружинники, милиция, прерывали служения, хватали

верующих, волокли их в машины, выворачивали руки, крутя головы. После таких разгонов обязательно следовали административные взыскания или в виде штрафов до 50 рублей или отбывали 10—15 суток исправительно-трудовых работ.

26 февраля вернулся из уз пресвитер Омской церкви СИГАРЁВ Михаил Лаврентьевич, отец восьмерых осиротевших детей. Мать детей умерла от белокровия за 6 месяцев до освобождения отца.

27 февраля в дом СИГАРЁВА собрались верующие, чтобы порадоваться с ним об его освобождении и поскорбеть о смерти его жены, т. к. исполнилось полгода после её отшествия в вечность. Сотрудники милиции, депутаты, приехавшие на машине, разгоняли собрание, не давали проводить служение, угрожали брату СИГАРЁВУ новым арестом.

5 марта церковь собралась для воспоминания страданий Господа Иисуса Христа. Ворвавшаяся милиция, депутаты, дружинники, прибывшие на спецмашине, начали хватать по одному человеку верующих, записывать в списки: фамилию, имя, отчество, адрес, место работы, после фотографировать и выводить на улицу. Кто отказался назвать эти данные, немедленно скручивала милиция и водворяла в машину. Обращаются с верующими во время таких разгонов не как с людьми, притом гражданами, а как с животными, не считаясь ни с детьми, ни с беременными, ни со старцами. Составлен акт на хозяйку дома. На СИГАРЁВА оформлен был протокол «за оказание сопротивления», хотя брат никакого сопротивления не оказывал. <...>

4 апреля были похороны сестры в Господе. Приехавшая на двух машинах милиция, депутаты пытались разогнать собрание. Во время всего служения и обеда депутаты не покинули помещения, следили за СИГАРЁВЫМ, его действиями.

18 мая 1972 г. в день Вознесения Господа Иисуса Христа собрание разгоняли милиция, депутаты, подвыпившие дружинники. Крутили руки, тащили за волосы, фотографировали, переписывали все данные. Собрание провести не дали. Был оформлен акт. В этот раз СИГАРЁВА М. Л. забрали. Ему объявили, что на него открыто уголовное дело по ст. 142 ч. 2. После этого разгона многих верующих увезли в милицию. В их числе был ФЕДОРЧЕНКО Иван с 6-летним сыном. Будучи в милиции, видя избияния и допросы, мальчик испугался и стал заикаться. После это-

го следовали опять штрафы и исправительно-трудовые работы от 10 до 15 суток.

26 мая с. г. на вокзале был задержан до выяснения личности брат, приехавший из г. Барнаула посетить нашу церковь. Находился в спецприёмнике 7 суток. Брат задержан по доносу из среды верующих с подробным словесным описанием его портрета.

16 июня 1972 г. прямо молящегося СИГАРЁВА М. Л. поволокли, бросили в машину и увезли в милицию. Там он пробыл трое суток и после чего был арестован и осуждён на 5 лет лишения свободы как бы за дачу взятки, которую он давал работнику колонии № 8 (см. на с. 56 данной книги). Но нам известна истинная причина его ареста и суда. Ему за несколько дней до этого предлагали сотрудничать в КГБ и, когда он отказался встать на путь предательства, то провели неверный, лишённый всякой справедливости суд (3 июля с. г.), осудив его на 5 лет строгого режима за 10 рублей, которые он давал контролёру ИТК № 8 с просьбой принять передачу для заключённого брата в Господе. Его 8 малолетних детей остались круглыми сиротами. И после этого атеисты не успокаиваются. Вновь почти каждое богослужение разгоняется.

21 июня после проведения собрания 8 юных сестёр (от 15 до 20 лет) и один брат собрались вместе поиграть на гитаре и попеть. Ворвавшаяся в дом милиция, депутаты, дружинники, некоторые были пьяные, всех переписали, сфотографировали, посадили в милицейскую машину и, оскорбляя, увезли в милицию. Там последовали допросы, угрозы, выпустили девушек в 1 часу ночи. Составлен акт и выписана повестка на административную комиссию хозяйке дома.

27 июля молодёжь собралась вместе для богослужения. Во время молитвы в дом тихо вошли сотрудники милиции. Дружинники разогнали собрание и отсюда же забрали юношу, приехавшего из Барнаула, и двух сестёр, увезли в милицию для выяснения личности. Юный брат находился в спецприёмнике г. Омска 5 суток.

6 августа было богослужение — Вечера Господня. Ворвавшаяся милиция, дружинники, депутаты не дали совершить служение. Начали криком, угрозами требовать разойтись, затем волочить верующих в машины. Швырнули беременную молодую женщину ВИНС Людмилу в машину. Верующих душили, крути-

ли руки, применяли приёмы самбо. Был составлен акт. Во время разгона у депутата лопнул по шву рукав пиджака. Из-за этого привлекаются к «уголовной» ответственности верующие, в том числе и вышеуказанная ВИНС Людмила. У неё 8-й месяц беременности и, несмотря на её слабое здоровье, её не освободили.

20 августа были похороны другой сестры. Милиция, депутаты, дружинники, иногда были в нетрезвом состоянии, во время служения находились в огаде, высматривая через открытые окна, кто говорил Слово, кто новые приезжие лица. После служения устроили настоящий погром. Верующих хватали, швыряли, крутили руки, били в область желудка. Вновь составлены ложные акты, вписаны туда нужные им фамилии, выписаны повестки на административную комиссию.

22 сентября у нас был праздник Жатвы. Собрались гости из районов области. Во время только что начавшегося служения ворвалось огромное число милиции, дружинников, депутатов, партийных работников. Руководивший разгромом представитель власти в штатском категорически отказался предъявлять документы, он включил громкоговоритель и начал требовать, чтобы разошлись и одновременно дал милиции команду разгонять верующих. Было жутко смотреть, как набросились на беззащитных верующих милиция и дружинники. Нас, особенно молодёжь, стали хватать, тащить в машины, выкручивать руки, рвать волосы, многим оборвали пуговицы. Дети испугались, подняли плач, жались к матерям. Всех до единого переписали, сфотографировали, пропускали как сквозь строй, по одному. Всех, кто не называл данные, сажали в снятый с маршрута автобус и в милицейские машины. Из тех, кто называл фамилии, кого им нужно было, тоже сажали в машины и увозили в милицию. Старались увезти всех гостей, особенно из молодёжи. В милиции был устроен допрос: кто организовал? На хозяина дома составлен акт.

29 октября по улице города шла верующая молодёжь с гитарами. Среди них было и несколько подростков 13—15 лет. Вдруг к ним подошла группа парней и попросили закурить. Среди парней был один из участников разгона наших собраний. Последний крикнул: «Это баптисты! Бейте их!» Гитары отобрали и начали избивать братьев, оттолкнув в сторону сестёр. Это произошло в 7 часу вечера. Сёстры начали кричать, звать на помощь, которую послал только Господь.

На многих верующих ведутся уголовные дела.

Преследуют на работах. Особенно страдает брат ЛИТОВЧЕНКО Фёдор Петрович. Он имеет 5 детей. Работал зав. складом в Сибирском филиале ВИСХАГИ с 1959 г. Брат больной. Его диагноз: артериосклеротический коронарокардиосклероз. Во время его болезни (брат болен постоянно) к нему на квартиру пришли несколько братьев и сестёр посетить его. Это было 28 мая. А 19 мая по этому поводу уже был поставлен его вопрос на месткомме: «О нарушении соц. общежития». Постановили: при повторении ЛИТОВЧЕНКО выселить из квартиры. Брат с 17 июля был переведён в рабочие и с его состоянием здоровья поставлен на тяжёлую работу. В настоящее время брат лежит в больнице.

В последнее время стали настраивать массы против верующих. Организовали вновь выставку в музее.

Настраивают в школах, где учатся дети верующих, против родителей этих детей.

На предприятиях, где работают верующие, последним прикрепляют воспитателей, а рабочим всячески внушают, что верующие враги, имеют связи с границей, получают посылки с Запада.

Дорогие братья и сёстры! Вот очень сжато, кратко, далеко не весь, описан наш скорбный путь. Невозможно описать всего, что у нас происходит. Мы знаем, что такой путь приготвил для нас Господь, «ибо так нам суждено» (1 Фес. 3, 3).

Просим Вас всех: молитесь о нас, чтобы церковь наша могла ободриться, чтобы могли сохранить нашу верность и во всех испытаниях был бы победителем Сам Господь, чтобы мы могли любить врагов наших, всех ненавидящих нас, и чтобы Бог очистил через молитвы народа Своего нашу церковь.

Ваши братья и сёстры во Христе г. Омска.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
г. КОСЫГИНУ А. Н.

Копии: ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
г. БРЕЖНЕВУ Л. И.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЛИСПОЛКОМА г. ОМСКА
СОВЕТУ РОДСТВЕННИКОВ УЗНИКОВ

ОБРАЩЕНИЕ

Мы, верующие ЕХБ г. Кемерова считаем невозможным с нашей стороны умолчать, не возвысив голос против фактов беззакония и насилия, совершаемых над нашими единоверцами местными властями г. Омска.

<...> Несмотря на провозглашённую свободу, местные власти г. Омска препятствуют верующим ЕХБ проводить богослужебные собрания.

Под маркой «научно-атеистической пропаганды» к верующим применяются самые несправедливые, самые насильственные способы борьбы.

Входя в дома, где собираются верующие для отправления богослужения, милиция и дружинники поднимают шум, резко возвышают голоса, а иногда применяют рупоры громкоговорителей, чтобы сорвать служение. А если эти меры не помогают, то гонители за руки хватают верующих, заталкивают в машины и увозят в милицию. В этой неприглядной возне, называемой научно-атеистической пропагандой, принимают участие местная интеллигенция и депутаты.

Зная об этом, можно спросить себя: где же права верующих на свободное отправление религиозных культов, гарантированное Конституцией? <...>

ЦК КПСС постановляет:

«Обязать обкомы, крайкомы... и все партийные организации решительно устранить ошибки и впредь ни в коем случае не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих».

А в Омске повторяются те же «ошибки» <...>. Видимо, постановление ЦК КПСС необязательно ни для обкома партии, ни для местных парторганизаций, если они грубо нарушают это постановление и не несут ответственности за своё нарушение. <...>

Местные власти г. Омска не считают верующих за граждан. Поэтому они попирают все права верующих и не несут ответственности ни перед какими законами и властями.

Если и дальше в г. Омске будет потворствоваться неограниченная разнузданность и в словах и на деле, то у всех верующих и неверующих граждан создаётся понятие, что верующие в нашей стране не охраняются законами, у них нет никаких прав. <...>

В своей неограниченной ненависти к верующим местные власти г. Омска вторично посадили на пять лет строгого режима отца восьмерых малолетних детей Сигарёва М. за то, что он был активный участник в проведении богослужебных собраний.

Теперь восемь малолетних детей остались на попечении 70-летней больной бабушки <...> С воплем малолетних детей верующие г. Омска неоднократно обращались к высшим властям, указывая на местные неполадки, но они пока не были услышаны и ими.

<...> В г. Омске местные власти отбирают у верующих право пользоваться свободой вероисповедания. Пользуясь авторитетом власти, перетолковывают законы, чтобы обвинить верующих.

Итак, мы, верующие ЕХБ г. Кемерова, видим в этих приведённых нами фактах не научно-атеистическую пропаганду, а факты грубого нарушения законов, охраняющих права верующих, факты попрания самых элементарных прав человека, факты грубого насилия и глумления над чувствами верующих, а не идейную работу.

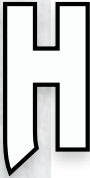
С настоящей просьбой мы, верующие г. Кемерова, обращаемся к Вам, Алексей Николаевич, обратите серьёзное внимание на устранение имеющихся беспорядков.

Подписали члены церкви (30 подписей).

ГЛАВА VII

«...Официальные церкви, союзы... до сих пор не в состоянии делать что-нибудь святое, используя пожертвования церкви. Это, конечно, грех великий. Но Господь дал нам возможность преодолеть это укоренившееся отступление, и с самого начала было принято за правило, чтобы каждая семья узника содержалась на средства церкви. Это — долг церкви. Это — долг народа Божьего, иначе мы не исполним даже самых начальных истин правды Христовой, Его основного учения о добродетели».

Г. К. Крючков

СЕМЬИ УЗНИКОВ НЕ ОСТАВЛЕНЫ

апряжёнными и трудными были те суровые годы для всего нашего братства. Ежегодно в неволе находилось более 200 узников за дело пробуждения церкви, за её независимость от мира в деле служения Богу.

В Омской церкви в тюрьмах и лагерях томилась одновременно 11 узников. Около 50 детей сирот жили без отцов. Они нуждались в насущном хлебе. Большие собрания проводить тогда было невозможно. Собирались малыми группами по разным местам. Пожертвований нашей церкви не доставало, чтобы обеспечить все семьи страдальцев. Почти никто из жён узников не работал — детей в семьях много и все маленькие. Но, слава Богу, семьи узников не голодали. Бог располагал братьев и сестёр из областных церквей (Миροлюбовки, Аполлоновки, Исилькуля, Солнцевки, Петровки, Ивановки, Марьяновки и др.), и они восполняли наши материальные нужды, хотя

Узники Омской общины СЦ ЕХБ:

Козорезов А. Т., Федорченко В. И., Федорченко И. И., Винс И. Я., Перерва П. Г.

и в этих общинах были свои узники и сироты.

Служители этих церквей часто посещали семьи омских узников, поддерживали духовно и проводили межрайонные общения.

Группа сестёр из Миролюбовки вела постоянную переписку со всеми узниками нашего братства. На христианские праздники Рождество, Пасху семьи узников получали скромные посылки, которые радовали нас и наших детей. Совершая этот невидимый, но огромный труд, дорогие братья и сёстры верили, что он непременно будет отмечен в памятной книге у Господа.

ПОСЕЩАЯ СЕМЬЮ УЗНИКОВ, РАССЧИТЫВАЙ НА АРЕСТ

Кто в те суровые годы гонений решался посетить семьи омских узников, уезжая, прощался с домашними на несколько лет, потому что не рассчитывал остаться на свободе: жертвенных друзей арестовывали в Омске.

Дорогой брат старец Аарон Ааронович Вибе ехал в троллейбусе по делам к брату Алексею Тимофеевичу Козорезову. За старцем следили. За троллейбусом шла чёрная «Волга». Как только он вышел на нужной остановке, к нему подошли люди в штатском: «Вы арестованы!», посадили в машину и увезли на пять лет! Он отбывал срок в колонии строгого режима.

Брату из Прибалтики поручили посетить семьи узников

в Омске и области и узнать о загадочной гибели брата Николая Антиповича Солдатова. Вместе с моей дочерью Наташей он посетил всех, выполнил поручение. Наш дом прослушивался, и мы опасались вести в нём ответственные разговоры. Почти всю ночь брат из Прибалтики вместе с Михаилом Лаврентьевичем и Иваном Федорченко ходили по улице и беседовали. А когда зашли в дом, рано утром приехали работники милиции и КГБ, сделали обыск, арестовали Михаила Лаврентьевича и чуть позже осудили на три года лишения свободы.

Брат приехал посетить семью Сигарёвых. На вокзале его задержали. Следствие шло месяц, брата освободили только потому, что он гражданин другой страны.

Так опасно было посещать семьи узников, но смелые и искренние братья всё же, рискуя свободой, приходили к нам и несли утешение. Помню, зимним вечером я была дома одна, дети играли во дворе. Зашёл хорошо одетый мужчина с портфелем. Окинул добрым взглядом наше жилище и спросил:

— Савченко здесь живут?

— Да,— ответила я настороженно.

Он попросил разрешение войти в комнату, склонился на колени —

и горячая молитва
сквозь слёзы
вознеслась к Богу.
Молитесь кратко.
По его молитве
я поняла, что это
искренний брат.
На душе стало
легко. Встав с колен,
он протянул

Сидящие в первом ряду — узники Омской общины СЦ ЕХБ: Савченко Н. Р., Терехов Ю. М., Поюнов Ф. А., Поюнов И. А.

руку для приветствия и сказал, по чьему поручению прибыл посетить семьи узников.

— У меня очень мало времени, если можно, проведите меня к семьям узников.

Недалеко от нас жила семья Валентины и Ивана Федорченко. Когда вошли в дом, в глазах сестры Валентины, как и у меня, можно было прочесть немой вопрос: «Кто он?»

Выбежали семеро её бедно одетых ребятишек и с интересом разглядывали важного дядю. Увидев бедность семьи, он протянул к замурзанным мальчикам руки, по-отцовски прижал их к себе. Слёзы текли по его щекам. После этого у меня окончательно исчезло всякое недоверие к нему. Думала: атеист никогда не заплачет о наших детях. И в этой семье он склонил колени, и мы с ним сердечно благодарили Бога за утешение и ободрение.

Следующая семья — Поюновых,— в ней пятеро малюток. Опять — молитва, искреннее сострадание семье и ободрение.

Затем посетили Любу Терехову и её семерых детей. И в её глазах немой вопрос, однако молитва открывала путь к сердцу святых и снимала всякую тревогу.

11 часов вечера. Брат расспросил, как найти семью Козорезовых, поблагодарил и мы расстались.

Около часу ночи брат добрался к дому Козорезовых. Промёрз. Постучал в окно. Никто не вышел. Ещё постучал.

— Кто там? — спросила сестра Шура.

— Брат из Прибалтики.

А к этой семье под видом братьев приходили не раз сотрудники КГБ (некоторые умели даже молиться), потому что сестра Шура несла служение в Совете родственников узников.

Она не открыла дверь, а душа томилась. Она посоветовалась с мамой и через несколько минут услышала, как охрипшим голосом брат просил: «Откройте, я правда ваш брат...» Прордогший, он вошёл в дом и сразу упал на колени и слёзно благодарил Бога, что его впустили и он смог встретиться с последней многодетной семьёй. Оказалось, что ночной посетитель из одной деревни с Шуриной мамой и они лично знают друг друга. Сёстры умоляли гостя простить им за промедление, что заставили его долго ожидать на морозе.

БЕССТРАШНЫЙ ХРИСТИАНИН

Невозможно обойти молчанием другого бесстрашного христианина Омской церкви Ивана Федорченко.

Он работал электриком, зарабатывал мало, семья испытывала материальные недостатки, но как христианин он был удивительно чутким, добрым, отзывчивым на беды и страдания братьев и сестёр, всегда посещал вдовиц и больных. Он не только сам не пропускал богослужений, но и постоянно брал с собой детей; в любую погоду отправлялся с ними на посещения.

Мужество дорогого брата раздражало атеистов. Он не боялся ни милиции, ни административной комиссии, ни штрафов, ни угроз. Дом у него конфисковали именно за проведение богослужений, но это не заставило его прекратить собрания. За это же беспощадными штрафами семью лишали средств к существованию.

Когда Николай Романович отбывал заключение, брат Иван не оставлял нашу семью, ободрял, помогал делом, советом. Мы много беседовали, вместе молились. Он не был служителем, но за несгибаемость и глубокую веру в Бога был приговорён к 4 годам лишения

Семья И. Федорченко

Конфискованный дом И. Федорченко

свободы и отбывал срок в колонии общего режима.

Много пришлось пережить его жене Валентине, оставшейся с восемью малолетними детьми, как, впрочем, и всем жёнам узников нашего братства.

Неволя не утратила Ивана Федорченко, не угасила пламень его любви к Богу, он и после освобождения продолжал трудиться в церкви, со всей семьёй ревностно посещал собрания и приглашал к себе верующих для богослужения.

1 октября 1994 г. он с меньшим сыном отправился на мотоцикле в деревню и, объезжая стоящую грузовую машину, попал в аварию. Через сутки он скончался в больнице, не придя в сознание.

На руках жены остались 10 детей. Все они покаяться и служат Господу. Заветное желание брата сбылось. Последняя страница в памятной книге жизни рядового члена церкви, который верой победил ненависть атеизма, дописана, и встреча с любимым Господом состоялась!

«НА ПРЕДАТЕЛЬСТВО НЕ ПОЙДУ...»

Михаила Лаврентьевича Сигарёва отправили в зону г. Исиль-Куль.

Когда до конца срока Николая Романовича оставалось чуть более полугодя, его усиленно стали посещать работники спецслужб, предлагая, как и М. Л. Сигарёву, сотрудничать с ними и зарегистрировать общину. В случае отказа угрожали новым более тяжёлым сроком. Николай Романович отверг все посягательства: «Я готов умереть, но на предательство не пойду».

Измощённый недугом незадолго до своего отхода в вечность он смог написать воспоминания о жизни нашей церкви в тот сложный период.

«Несмотря на гонения, которые продолжались непрерывно почти 20 лет, Омская церковь бодрствовала, отражая натиски безбожников. Стояли мы благодаря драгоценному и краеугольному камню — Христу — основанию нашего упования. Все силы были брошены против последователей Господних, и гонения на верующих пробуждённого братства усиливались. "Блюстители порядка", дружинни-

ки и прочая бесчестная молодёжь, а иногда и солдаты МВД применяли к нам грубую физическую силу, но одолеть народ Божий не смогли. Недруги нервничали и раздражались, изыскивая более жестокие способы борьбы. Верующие же, переживая побои и бесчестье за имя Христа, радовались.

Справедливости ради нужно сказать: некоторые верующие нашей церкви (они придерживались "золотой середины") не устояли в этих испытаниях, пришли в робость от ответственности и, не выдержав преследований, ушли в зарегистрированную общину. Особенно значительный отход произошёл в 1967 году, когда церковь оставили пресвитер и дьякон. Но и это не поколебало ревностных верующих, которые продолжали отстаивать благовествование и истину Христову, хотя мы очень печалились и душа наша страдала об ушедших как об умерших, как об изменивших Христу и церкви.

Уход из нашей среды упомянутой части верующих ободрил гонителей и вдохновил на более жёсткое наступление против церкви в надежде на скорую победу над народом Божьим. Но ожидания оказались тщетными. Оставшиеся верующие были полны решимости безбоязненно продолжать служение по Слову Божьему, решительно отвергая антиевангельское Законодательство о религиозных культах.

Тогда недруги пошли на крайние меры: несмотря на то, что в заключении томились: пресвитер церкви Сигарёв М. Л., братья Поюнов И. А. и Голяшов А. Е., а также сестра Касьянова К. А., 14 мая 1971 года из среды Омской церкви ввергли в темницу сразу четырёх братьев: Козорезова А. Т., Поюнова Ф. А., Терехова Ю. М. и Савченко Н. Р. Эта жестокость мира была мучительной для церкви, но не стала трагедией.

Малое стадо Господне и после этого продолжало самоотверженно вести служение согласно учению Христа, памятуя Его обетование: "Се, Я с вами во все дни до скончания века" (Матф. 28, 20).

Бедная, бросаемая бурей церковь испытывала удары за ударами. В феврале 1973 года имеющие безграничную власть безбожники арестовали ещё троих братьев: Федорченко И. И., Перерву П. Г., Винса И. Я., а в июле того же года — Федорченко В. И. Воины Христа оказались в изгнании, "облиты кровью

боевой", а сама церковь вместе с семьями узников — "в слезах, в рыданиях о братьях, скорбных на земле".

Атеисты же торопились репрессиями подавить дух ревности в народе Божьем и до возвращения братьев из уз низложить Омскую независимую от мира церковь.

Помню, на исходе 1973 года за 7 месяцев до моего освобождения, в колонию, где я отбывал заключение, прибыл работник КГБ, некто Мясников (он же Иванов), вызвал меня в кабинет начальника колонии и хвастливо извещил: "Ваша община распалась и перестала существовать".

Затем испытующе посмотрел на меня и угрожающе добавил: "Если после твоего возвращения на свободу в жизни церкви что-нибудь изменится и ты попытаешься восстановить общину,— тебя ожидают худшие времена. Но ты можешь избежать новых страданий — зачем они тебе? Советую идти в зарегистрированную общину по примеру многих бывших членов вашей церкви. Или уезжай в другую область, как это сделали по нашему совету кое-кто из принадлежащих вам. Или, оставаясь в среде своих, помогай нам!"

Он говорил это вспыльчиво, гневно, всё более и более горячась, открывая передо мной всю свою порочную натуру. При этом в его поведении просматривалась какая-то обречённость и подавленность. Как будто мрачное предчувствие теснило его. Уходя, он предложил мне подумать, обещая прийти через месяц. Внутренний голос подсказывал: «Не бойся! Он никогда не придёт». Действительно, он не пришёл больше в зону. Злой умысел не состоялся.

Но через месяц пришли ко мне иные гонители из числа работников КГБ: известный злодеяниями и коварством Савинов С. И. и некто Запрудников, которым вместо Мясникова поручили обольстить и запугать меня.

Последние шесть месяцев до освобождения были напряжёнными: искушения следовали за искушениями. Слуги дьявола прилагали всё старание ослабить моё упование на Бога, обессилить и сделать неспособным ревностно служить Господу. Я это ясно осознавал, Бог мой открывал их замыслы, поэтому я твёрдо отвергал все обольстительные предложения. Они обещали предоставить длительное свидание, кото-

рого незадолго лишили; разрешить передачу, которую раньше не позволили передать; давали слово снять надзор, который сами установили.

Началось и физическое давление: незаконно перевели на тяжёлую работу, водворяли в изолятор, постоянно следили, запугивали страшными карами.

За день до моего освобождения в лагерь пришёл Запрудников и объявил, что не прекратит встреч со мной и на воле. В этот раз, как и прежде, я высказал решительное нежелание иметь с ним какие-либо контакты, открыто выражая моё крайне неприятное чувство к такого рода встречам. Но эти люди — особаго нрава, самоуверенные и чрезвычайно назойливы. Обладая властью, они всё же рассчитывают на успех.

Слава Богу, 14 мая 1974 г. вопреки всем недобрым намерениям я, хотя и с надзором, всё же увидел свободу. Встреча с церковью оказалась несколько необычной и омрачённой: по причине гонений не оказалось некоторых братьев и сестёр, зато депутаты и милиция явились незамедлительно и, как обычно, с запретами, тут же составили на меня постановление об ответственности...»

ОСВОБОЖДЁН С НАДЗОРОМ

Надзор после освобождения устанавливают обычно за рецидивистами и опасными уголовниками, к ним причислили и Николая Романовича. Поэтому встречали его у ворот зоны не друзья, не семья, а сотрудники милиции.

Господь везде был нашим помощником и заступником. Николай Романович в лагере работал по нарядам, которые оплачивались только на 50%. Из этого заработка высчитывали за питание, одежду, а оставшиеся деньги заключённому переводили на счёт. Он иногда высылал небольшие суммы домой, но на свидании мы договорились, чтобы он оставлял их на счету до освобождения. У нас был долг за дом. Освобождаясь, Николай Романович получил 500 рублей, положил их в карман арестантской робы. В комнате он снял её и переоделся в гражданскую одежду. Сотрудники милиции сразу посадили его в маши-

ну. И тут он вспомнил, что деньги остались в кармане робы. Их могли похитить. Он попросил разрешения, вернулся на вахту и увидел, как дневальный шёл за его робой. Бог сохранил деньги, мы отдали долг.

Чудны пути Божьи и неисследимы! Надзор Николаю Романовичу оформили на 6 месяцев. Согласно условиям надзора нужно постоянно находиться дома с 8 часов вечера до 6 утра; не выезжать за пределы города; каждую пятницу обязательно отмечаться в отделении милиции; нельзя посещать вечерние богослужения. Есть и другие ограничения. За нарушение правил надзора сотрудник милиции составляет протокол. Три таких протокола и — поднадзорного без суда и следствия отправляют в лагерь на тот же срок, который отбывал последний раз.

Наш дом постоянно посещали три—пять сотрудников милиции. Приходили и ровно в 20.00, и в полночь, и под утро. Приходили как власть имеющие: всегда с шумом, били в ставни, громко требовали предъявить паспорта всех проживающих в доме. Заходя в комнату, где спали дети (мы не имели спален, а только кухню и комнату),— включали свет. Дети просыпались, начинали плакать, а сотрудники стояли и улыбались.

Глядя на мучения и страхи детей, я не выдержала и строго предупредила: «Если вы ещё раз явитесь после 24 часов и будете бить кулаками в ставни, поднимать и мучить детей, я вас в дом не пущу и принесу заявление о вашем незаконном поведении к начальнику милиции».

Старший из проверяющих ответил: «Скажите спасибо своему мужу за то, что он заработал надзор». «Дай Бог, чтобы у всех жён были такие мужья! А надзор придумали вы!» — ответила я.

После этого разговора до конца надзора сотрудники в ставни не стучали и позже 24 часов не являлись.

Работники милиции стремились уличить Николая Романовича в каком-либо нарушении, но им не удавалось: он не нарушал правила. Это выводило их из себя. Собrania он посещал только утром и все служения совершал днём.

Однажды время приближалось к 20 часам. Николай Романович был в огороде и пошёл к калитке. Сын Ваня в это время находился в другой половине дома и смотрел в открытое

окно. Видит, мимо окон идут милиционеры и отчего-то произнёс: «А папы дома нет!» С чрезвычайной радостью один из них воскликнул: «Ну, попался!» Вдруг слышит голос Николая Романовича: «Да нет, не попался!»

Во время очередной проверки Николай Романович сидел на завалинке* дома. Подошёл милиционер:

— Сегодня мы не запишем это в нарушение, но если в следующий раз увидим тебя сидящим здесь,— составим протокол о нарушении.

— Ему и в огород нельзя выйти? — спросила я.

— В свой огород можно, но если застанем в соседнем,— составим акт.

Вот такие условия надзора: настоящий домашний арест.

Как-то в третьем часу ночи соседка постучала в окно и крикнула: «Горим!» Соскочив с постели, не раздумывая, мы схватили вёдра и побежали тушить пожар. Домой вернулись часов в 5 утра. Позже я осторожно спросила у проверяющих:

— Если поднадзорному придётся оказать помощь в тушении пожара, это расценят как нарушение?

— Да, сразу же составят протокол.

Бог укрыл нас тогда от глаз проверяющих. Мы вспомнили о надзоре только тогда, когда после тушения зашли в свой дом.

После освобождения Николая Романовича наша церковь не проводила общие богослужения, а собиралась небольшими группами по 6—10 человек в разных районах города. Но и эти маленькие собрания выслеживала милиция и разгоняла. Верующих душили непосильными штрафами. Посоветовавшись с оставшимися братьями, Николай Романович предложил проводить богослужения вместе.

— Снова весь удар ляжет на тебя... — сочувствовали верующие.

— Я предаю свою душу Господу, Он силен защитить, а если и не так, опять пойду в узы. Но в таком состоянии церковь не должна оставаться.

Из воспоминаний Николая Романовича:

«Положение Омской церкви действительно было печаль-

* Завалинка — небольшая земляная насыпь вдоль наружных стен дома.

ным. Пресвитер-старец Попов П. П., отбыв в 1970 году последний срок заключения, в возрасте 82 лет возвратился из уз больной и уже не мог трудиться с прежней силой, а потом и совсем занемог и слёг. В 1973 г. он отошёл в вечность, с достоинством перенесши все невзгоды. Ушёл к Богу ревностный христианин, верный служитель, до конца несший знамя любви Христовой. Церковь в лице Петра Прокопьевича Попова лишилась хорошего подвижника и, оказавшись без пастыря, хотя Пастырь наш — Иисус Христос, не могла уверенно идти за Христом в столь сложных условиях.

Рассеявшись от гонений на маленькие группки, народ Божий всё же стремился бодрствовать, продолжал собираться, но силы после каждого разгона слабели, огонь уже не был столь жарким: раздробленные братья и сёстры с трудом защищались. Нужно было обрести прежнюю Господню силу, услышать Его могучий призыв, чтобы вновь подняться до прежнего уровня и с прежней готовностью совершать служение во имя Спасителя, отстаивая благовествование и истину Божью. С этого мы и начали. Стали усиленно вопиять к Господу.

Собрания в лесу 1974 г.

Многие верующие тогда советовали мне уехать из Омска, чтобы избежать новых уз, но Господь всегда отводил меня от таких не только действий, но и намерений, и не дал мне обольститься спокойной жизнью. Наоборот, Господь побуждал звать Его наследие ко всеобщему подъёму. Я сознавал и свою немощь, и возложенную на меня ответственность, но не отклонил гласа Всевышнего, Всесильного, Который и воспламенил моё сердце и моих друзей действовать. Бог помог нам достичь нужного единомыслия и единопдушия, мы поняли необходимость объединения всех групп для совместного служения...»

Начали собираться в лесу за посёлком Южным. Постепенно наши собрания увеличивались: многие братья и сёстры, ревнуя о Божьем деле, присоединились вместе с детьми к нашей жи-

вой группе, которая росла и крепла. Затем решили собираться по домам, невзирая на последствия. Первое такое торжественное служение прошло в доме Поюнова Ф. А. Из записей Николая Романовича:

«...В октябре мы вновь собрались вместе. Невозможно описать, сколько было радости и слёз! Сколько вознеслось благодарственных молитв нашему Господу! Слава Ему за это! Поистине Он Всемогуц!

После нескольких радостных общений вновь начались мас-сированные наступле-ния греховного мира

**Разгон молодёжного общения
в Омской области, 1975 г.**

на церковь. Гонители в погонах с большими звездами, ответственные работники исполкома и КГБ были беспощадны не только по отношению к взрослым, но и к детям, к старцам и старицам, применяя к ним грубую физическую силу. На одном из богослужений (оно проходило у старицы Елены Молоковой), нарушив наше молитвенное благоговение перед Господом, ворвавшиеся безбожники стали отнимать у нас Библии, Евангелия, сборники духовных песен. Такая жестокость побудила тех из нас, кто ещё не прошёл сквозь строй бесчинников, постараться спрятать духовную литературу в доме сестры. Видимо, это заметили и, выдворив всех из дома, устроили обыск без санкции прокурора. Лишение Священного Писания принесло нам немало печали, но милосердный Искупитель, богатый благодатью и милосердием, восполнил нашу скудость. Слава Господу и благодарность печатникам и друзьям, принявшим сердечное участие в наших скорбях. Поистине мир не успевал ничего (Иоан. 12, 19)...»

ПОИСК РАБОТЫ

Установив надзор, атеисты искали повод вновь арестовать Николая Романовича.

После освобождения он обязан был устроиться на работу в течение месяца. Тех, кто не выполнял это постановление, могли судить по ст. 109 УК РСФСР за тунеядство. Николай Романович ежедневно искал работу (он был столяром 5 разряда), найдёт, напишет заявление о приёме, но на следующее утро ему возвращают заявление: «Мы уже оформили человека...» Сотрудники КГБ дали указание всем организациям не принимать его на работу. Установленный законом месяц близился к концу, а он везде получал отказ в трудоустройстве, хотя готов был исполнять любую работу. Домой приходили сотрудники КГБ и проверяющие надзор, и угрожали новым сроком за тунеядство. Позже Николай Романович просил, чтобы на его заявлении указывали причину отказа. Инспекторы наотрез отказывались это делать, а его заявление просто уничтожали.

Мы просили Бога помочь нам в этой нужде. Как-то на рабо-

те я услышала, что в посёлке есть столярный цех. Пришла домой на обед, рассказала мужу, он сразу отправился туда, написал заявление о приёме. Начальник цеха его подписал, потому что ему срочно требовался столяр, и предложил, чтобы Николай Романович завтра же выходил на работу.

Сотрудники КГБ узнали, стали требовать от начальника отказать в приёме Савченко. Тот ответил: «Не могу. Он уже работает и хорошо! Таких людей мне не найти!» Николай Романович

Семья Николая Романовича Савченко, 1977 г.

п р о р а -
б о т а л
в э т о м
ц е х е 11
л е т, д о
с в о е г о
т р е т ь е г о
а р е с т а.

Фёдор
Акимович
Поюнов,
освобо-
дившись
из заклю-
чения,
устроился
на работу
на это же
производ-

ство. Там братья проработали бок о бок много лет: их вместе на этом предприятии штрафовали, разбирали на профсоюзных собраниях, судили товарищеским судом за нарушение законодательства о религиозных культах.

ГЛАВА VIII

«...На нечестно произносимое: "У нас за веру не судят" мы говорим: "У нас не судят только за веру без дел, за веру мёртвую, спасающую (Иак. 2, 14). А за веру, действующую любовью,— судят. За веру жертвенно-заступническую — судят дважды и трижды. Против веры спасающей и побеждающей ведётся ожесточённая война. "Но мужайтесь,— говорит Христос,— Я победил мир" (Иоан. 16, 33). Живая вера, за которую нас преследуют,— победит, ибо в ней Бог! "...И сия есть победа, победившая мир, вера наша" (1 Иоан. 5, 4)».

(Г. К. Крючков)

ИЗ

УГРОЗА ТРЕТЬЕГО АРЕСТА

воспоминаний Николая Романовича:

«В пятницу я пошёл в милицию отмечаться как поднадзорный. Капитан Иванов, ответственный за поднадзорных, не отметил мой приход, а повёл в другой кабинет, где в кресле сидел известный

уже работник КГБ Запрудников. У здания милиции стояла новенькая чёрная "Волга". Самодовольный, он уничтожающе посмотрел на меня и после короткого предисловия для большего устрашения стал искажённо представлять суть происшедшего гонения, обвиняя меня "в совершении и организации незаконного собрания и распространении среди

Н. Р. Савченко

верующих запрещённой литературы".

"Теперь у нас достаточно улик для привлечения тебя к новой, наиболее суровой, уголовной ответственности,— сказал он. — Но ты можешь избежать заслуженной кары служением Родине",— добавил.

За пять дней до этой встречи я усиленно молился Господу, прося у Него силы смириться с грядущими узами, если они последуют, потому что мне угрожали самым строгим режимом и длительным сроком заключения. Искупитель мой знал горечь моей души и с нежностью, присущей только Ему одному, водворил покой в моё сердце и приготовил меня к страданиям.

По благоволению ко мне Спасителя я был свободным от страха страданий и ответил Запрудникову: "Я не только буду принимать узы и скорбь за моего Господа, но с Его помощью собираюсь и умереть за Него".

Между тем в коридоре прохаживался другой работник КГБ. Вместе с Запрудниковым он досадовал на то, что со мной пришла в милицию и моя дочь Лена. Как видно, она нарушила какие-то их злые намерения. Прохаживающийся по коридору был явно недоволен сложившимися обстоятельствами. Нервничал, порочил меня и настаивал против меня дочь. Лена же, наоборот, с любовью отзывалась обо мне, защищала, как могла, наше упование на Бога и возводила на должную высоту любвеобильного Бога, помогавшего нам во всём.

Не ожидая такого поворота дела, Запрудников стал меня уговаривать:

— Зачем же умирать, когда можно хорошо жить?!

Он настаивал и просил согласиться хотя бы ещё на одну встречу. Я снова отверг это предложение.

В следующее воскресенье, к моему удивлению, богослужение прошло благополучно.

Время летело незаметно, в пятницу я снова пошёл отмечаться в милицию, но пошёл с женой Людмилой и сыном Ваней, предполагая, что Запрудников снова будет настаивать на встрече с ним, но его на этот раз не было в отделении.

Наши христианские праздники, наши торжества обычно сопровождалась гонениями. Самый светлый и радостный

праздник, Пасху, Воскресение Господа нашего Иисуса Христа, в 1978 году мы встретили с ликованием, как и в прежние годы. Из уст всех присутствовавших на богослужении лилось дорогое сердцу приветствие: "Христос воскрес!" Им радостно и дружно отвечали: "Воистину воскрес!" Лица у всех сияли. По-братски пожимая друг другу руки, приветствовались, кое-кто от счастья плакал...

Как только мы произнесли первую благодарственную молитву Господу и начали петь христианский гимн: «Христос воскрес из мертвых», в дом ворвались безбожники с большим отрядом внутренних войск и группой сотрудников милиции под командованием полковника, начальника милиции Центрального района города. Они действовали вероломно и беспощадно, не считаясь ни с чем и ни с кем, и не обращали ни на кого внимания. Дети, старцы и старицы, немощные и больные — все подвергались безжалостному физическому насилию. Однако никто не хотел оставлять собрание, никто не страшился произвола. Недруги с силой выталкивали верующих из дома, а кое-кого выбрасывали, применяя методы современной борьбы.

Потом гонители всем своим множеством устремились на группу верующих, оставшихся в доме, где находился служитель церкви и проповедники, жены и дети. Молодежь немедленно окружила их вниманием. Скрепившись друг с другом руками, не вступая в единоборство, но отстаивая право на богослужения, эта группа исповедников благодати Божьей решительно осталась на месте. Недруги, подобно хищникам, набрасывались на верующих. Испуганные дети плакали, прижимаясь к родителям.

Наконец, служитель ради успокоения детей и сохранения их от дальнейшего расстройств и душераздирающих криков и ради воссоединения с остальными друзьями, насильно изгнанными во двор, предложил бесчинствующим военным прекратить злодеяния и, отступив от верующих, дать им возможность без насилия выйти из помещения. По-видимому, они ждали развязки, потому что сразу же отступили и прекратили терзания.

Выйдя во двор, мы соединились с остальными братьями

и сёстрами и вознесли громогласную молитву Богу и испросили Его благословения на прерванное богослужение.

Наше Богопоклонение вызвало взрыв ярости у гонителей и послужило сигналом для новой атаки. Начальник милиции дал указание взять служителя. Между тем к воротам и к калитке вплотную поставили автобус и милицейскую машину. Выход из дома и со двора оказался заблокированным. По-видимому, предполагалось всех увезти в милицию и там жестокостью и угрозами подавить дух бесстрашия верующих и расправиться с ними. Но и эта попытка была предотвращена силой Божьей. Служитель, прежде чем быть взятым, стал громко молиться, призывая Господа защитить всех христиан, и отдавал себя в Его руки.

После молитвы полковник вдруг объявил: "Никто тебя не собирает арестовывать. Мы требуем, чтобы это незаконное сборище разошлось".

Мы вышли на улицу и вплотную встали друг к другу. Напротив стояли начальник милиции и его большая дружина. На улице собралось множество любопытных. Мы вновь громко молились Богу, благодаря Его за защиту и умоляя соупростствовать нам в служении Ему.

Изгнанные из дома и со двора, мы не лишились искреннего желания прославить Бога и воспеть хвалу воскресшему Господу Иисусу Христу, поэтому, идя по городу, неоднократно останавливались ради благовествования, приветствуя друг друга и всех встречных пасхальным приветствием: "Христос воскрес!" Мы двигались по направлению к центру города. Нас сопровождали несколько милиционеров, но они уже ничего не могли сделать. Нас сопровождал Воскресший, нами руководил Бог, нас вёл Дух Святой. Яростные гонения, к нашему счастью, послужили большему распространению евангельской вести о воскресшем Спасителе.

Видимо, сознавая всю ответственность за совершённое вероломство, гонители послали вестника к хозяйке дома Зюзя Елене, чтобы верующие возвратились в дом и там проводили своё богослужение. Мы восприняли эту весточку с радостью. Вознесли благодарность всемогущему Богу, вернулись в дом, откуда были изгнаны, и, весьма удовлетворён-

ные, продолжали наше торжественное праздничное богослужение. Поистине Христос воскрес! Слава Ему вовек!»

НАПРЯЖЁННЫЙ, НО РАДОСТНЫЙ ТРУД В ЦЕРКВИ

Бог даровал Николаю Романовичу силы для духовного труда. В воскресенье он всегда пребывал в посте и уходил на богослужение в восемь часов утра. После утреннего служения обычно собирався братский совет. В оставшееся время он посещал нуждающихся в утешении или проводил молодёжное служение. Вечером — второе богослужение. Домой возвращался в 22—23 вечера. После ужина уставший ложился спать.

Обычные дни недели также были загружены полностью: братские общения, беседы, посещения больных и страждущих. Домой возвращался поздно уставший и голодный. После ужина, если не было гостей, читал, молился и ложился отдыхать, чтобы на следующий день подняться в 7 часов утра.

У нас постоянно находились гости. Они приезжали и днём, и ночью, в основном — незнакомые верующие. С приезжими гостями занималась я, помогали дочери: Наташа — на кухне, Лена поддерживала порядок в нашем скромном маленьком доме и устраивала ночлег.

Омская молодёжь часто общалась с новосибирской. Приезжая, новосибирцы почти всегда останавливались у нас. Спать приходилось всем на полу. Расстилали на пол всё, что только можно, укрывались своими пальто, потому что одеял на всех не хватало. Места́ под кроватями считались престижными. Несмотря на такие неудобства, молодёжь не хотела уходить в другие дома, куда их приглашали. Они вместе пели, готовились к воскресному служению, рассказывали христианские новости. Ночью совершали совместные молитвы, просили благословения на предстоящее служение и Божьей охраны от гонителей. Бог слышал эти молитвы и отвечал на них. Несмотря на времена гонений, молодёжь горела любовью Христовой, жаждой служить Ему, укреплялась силой свыше. Многие молодые братья тех лет несут сейчас пресвитерское или диаконское служение, руководят оркестром или хором.

Николай Романович был молитвенником. В моей памяти он

остался стоящим на коленях, часто с поднятыми руками. Молился по полчаса, по часу, а иногда и больше. Победу над грехом, обидами, физической слабостью он одерживал только на коленях.

Когда возвращался домой удручённым, с тяжестью на сердце, усиленная молитва помогала ему одерживать очередную победу. Николай Романович неоднократно говорил, что без усиленной молитвы невозможно устоять в искушениях, особенно в узах. Насколько мне известно, все дети Божьи в узах начинали каждый день с ранней усиленной молитвы, когда все узники ещё спали.

Николай Романович совершал молитвы исцеления над больными, Бог слышал и отвечал на них. Вспомнить все исцеления не могу, но о некоторых расскажу. Сестра Зоя Потрашкова страдала болезнью печени, состояние её было тяжёлое, родные готовились к похоронам. Неожиданно у сестры появилась уверенность: если Николай Романович совершит над ней молитву об исцелении, она выздоровеет. Так и произошло: после молитвы Николая Романовича Зоя жила ещё несколько лет.

Однажды к нам приехали в гости из Ростова-на-Дону Николай (наш зять) с Леной и маленьким Денисом. Собрались домой, купили билеты на самолёт, заказали такси. В ночь перед отлётом у Дениса поднялась высокая температура. Утром, за несколько минут до приезда такси, зять попросил Николая Романовича совершить над внуком молитву исцеления с возложением рук. После молитвы,— температура упала. Боли Денис не чувствовал. Только холодный пот, покрывавший всего мальчика, свидетельствовал о недавней болезни. Бывало, заболит кто-нибудь из внучат, дети шли к дедушке Коле и днём и ночью. Он молился над ними и внучата выздоравливали.

БЕЗБОЯЗНЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ГОСПОДЕ

Николай Романович очень любил Слово Божье. Читал много, с молитвой и стоя на коленях. Читал вслух и на работе. Когда рабочие садились на «перекур», он доставал маленькое Евангелие и читал. Читал в электричке, в поезде, стараясь всем сказать слово о Христе. В те годы свидетельство о Спасителе счи-

талось преступлением, за это судили и лишали свободы.

Помню, поехал Николай Романович с сёстрами на посещение в город Калачинск. Возвращались они домой в переполненном вагоне электрички. Он, как всегда, начал открыто, громко говорить о Господе. Люди в вагоне разделились на два лагеря: одни слушали, другие заставляли молчать, поднялся крик, возмущение, и так почти до самого Омска. Николай Романович с Лидой Потрашковой не стали ехать до конечной станции и вышли раньше. В Омске при выходе из электрички сестёр задержали сотрудники милиции. По всем вагонам искали Николая Романовича.

Мечта о свободе благовествования всегда жила в сердце мужа, но он не дожил до этих счастливых дней.

«В ТРЕТЬИ УЗЫ Я ШЁЛ НА СМЕРТЬ»

Разгоны собраний, штрафы, вызовы в райисполком на административную комиссию продолжались. Несколько раз Фёдора Поюнова и Николая Романовича «разбирали» на профсоюзных собраниях предприятия. Их обвиняли в клевете на советскую действительность, в нарушении законодательства о религиозных культах, в руководстве церковью, в организации молодёжных и детских собраний и многом другом. По всему было видно, что мужа ожидал новый арест.

В это время бури гонений в стране, кажется, утихали. Однако служителям, находящимся за верность Господу в заключении, стали усиленно готовить новые сроки по ст. 228. Для этого узникам нужно было иметь пять нарушений лагерного режима, оформленных протоколами, после чего выездная сессия могла на территории лагеря беспрепятственно осудить заключённого на новый срок без выхода на свободу.

11 июня 1985 года. Хмурое дождливое утро. Я готовила обед (Николай Романович всегда приходил домой на обед). К дому подъехала белая «Волга», из неё вышли несколько человек и Николай Романович. Я сразу всё поняла. Завели мужа в дом, сделали обыск, разрешили переодеться и кое-что взять из продуктов.

— Разрешите помолиться с семьёй,— попросил он.

— Даём несколько минут..

Мы преклонили колени. Николай Романович попросил бла-

гословения и помощи Небесного Отца на предстоящий тяжёлый путь.

Его быстро вывели, посадили в машину. Пока ехали до конца улицы, Николай Романович махал нам рукой.

Дом опустел. Тяжесть легла на душу. Хорошо,

что рядом были дети, внуки. Мы все вместе разделяли горечь разлуки, молились о нём.

Дочь Наташа находилась в это время в больнице, ожидая рождения ребёнка. Сначала мы скрывали от неё арест папы. Когда же появился малыш, — рассказали. Зять Борис и Наташа решили назвать сыночка в честь дедушки — Коленькой.

Позже Николай Романович говорил мне: «Первый срок неволи я принял с радостью, страдал вместе с народом Божьим. Второй срок воспринял, как горнило испытаний, а на третий — шёл на смерть». Ему было открыто, что Господь поведёт его особым путём.

Первые три дня он провёл в усиленной молитве. Когда перевели в следственный изолятор, во время обыска у Николая Романовича появилось сильное желание помолиться.

«Всем своим существом я понял, что это нужно сделать именно сейчас. Чувствуя ответственность за погибающих грешников, я склонился на колени и громко помолился. Люди заинтересовались, стали расспрашивать.

Чтобы прекратить свидетельство о Боге и утратить заключённых, надзиратели раздели нас донага, поставили к стенке с поднятыми руками. Открыли дворик, создали сильный сквозняк. Запрещали даже шелухнуться, кричали, наводили жуть.

Николай Романович с женой, дочерью и внуком накануне третьего ареста. Июнь 1985 г.

Через час меня поместили в 195-ю камеру, где раньше сидел М. И. Хорев. Мне ещё приятней было склониться перед Господом там, где молился мой дорогой брат. Хотя сердце сжималось от тоски о Божьем народе, о семье, но молитва и свидетельство снимали боль. Я ещё ревностней стал проповедовать о Господе».

Начались тяжёлые изматывающие допросы, угрозы, обещания освободить взамен на греховные уступки. Предлагали зарегистрировать общину и сотрудничать с ними. «Пожалей себя,— говорили,— тебе скоро 60 лет! У тебя большое сердце».

ПОСЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Николай Романович с Божьей помощью и на сей раз отверг постыдный путь сотрудничества и предательства. Бог никогда не покидал его. Чтобы даровать ему много силы для тяжёлого пути, Бог излил Дух Святой на него в камере тюрьмы.

Вот как он описывал это событие:

«Не могу умолчать о потрясшем меня событии, происшедшем 27 июля 1985 года. В восьмом часу вечера, во время коленопреклонённой молитвы, я благодарил моего Господа, что за имя Его удостоился нести узы и скорби. В камере, кроме меня, находился ещё один узник. В течение нескольких дней он с большим интересом расспрашивал о моём уповании, о вере в Спасителя, о Его чудном учении. Когда ему хотелось курить, из уважения ко мне он поднимался на верхнюю койку к зарешёченному окну, и дым от папирасы не беспокоил меня.

Итак, я благодарил Господа за участь быть узником за имя Его. Внезапно послышался лёгкий шум, подобный веянию ветра, который наполнил всего меня. Я вздрогнул. В первый момент я подумал, что этот человек в шутку дул мне в уши. Открыл глаза убедиться, так ли это? Но человек спокойно сидел на верхней койке и курил, пуская дым в окно. Между тем, шум продолжался. Тогда я ясно понял, как некогда Самуил, что со мной говорит Господь в явлении Духа Святого, Которым Он напоил меня всего, как в день Пятидесятницы учеников-апостолов. Благоговейный трепет охва-

тил моё существо, наполнил душу, и я благодарил и славил Господа за столь великую Его благодать, которой Он посетил меня.

Перед этим я просил у Бога силы для защиты благоветствования, для обличения и осуждения мира. Исполнив Духом Святым, Господь сразу дал мне всё...»

Для беседы с Николаем Романовичем в тюрьму пригласили опытного психиатра. Он долго беседовал с ним, задавал каверзные вопросы. Бог наделил Николая Романовича мудростью, когда молчать, а когда отвечать на вопросы. В конце беседы врач сказал: «Вы вполне разумный человек, я не нахожу у вас никаких психических отклонений». Так сорвалась ещё одна попытка атеистов поместить мужа в психбольницу.

Усиленно обрабатывали и меня, как жену служителя. Вызвали в облисполком. В кабинете сидел уполномоченный по делам религиозных культов Омской области и незнакомый мне человек в гражданской одежде. Не буду описывать нашу беседу (я многое забыла), но оба уговаривали меня пожалеть мужа: «Он уже не молод, не совсем здоров, может умереть». Предлагали мне на свидании уговорить его зарегистрировать общину. «Если он согласится, то завтра же будет на свободе и, как и прежде, продолжит руководить церковью, и никто не будет вас разгонять».

Бог дал мне силы отвергнуть их предложения и не согласиться ни на что. Меня почти выгнали из кабинета.

ГЛАВА IX

«Дух всевышнего Бога вселил в сердце верных детей Своих удивительную жертвенность, так что они не только совершали великие подвиги веры и служения, но и полагали на Божий алтарь жизнь, кровь и слёзы».

(Г. К. Крючков)

С

УД

ТРЕТИЙ СУД

проходил в «красном уголке» одного из филиалов фирмы «Большевичка», где работал муж. По его делу проходили 38 свидетелей, в том числе и я с дочкой Верой. По этой причине мы были вызваны в суд для дачи показаний вместе с другими допрашиваемыми и были очевидцами происходящего, видели и слышали все совершаемые на суде беззакония.

Свидетелей поместили в библиотеке филиала фирмы. Я и Вера сидели за книжными стеллажами. На нас сначала никто не обращал внимания. Всем, кроме нас, раздали отпечатанные на машинке листы с текстом.

Первой для дачи показаний вызвали работницу райисполкома, которая постоянно руководила разгонами наших собраний. По закону свидетель после дачи показаний должен оставаться в зале судебного заседания, а она возвратилась в библиотеку (это видел и судья, и все ра-

ботники КГБ) и объявила: «Товарищи, отвечайте так, как написано в розданном вам циркуляре. Не жалейте слов и красок! Позорьте верующих, в том числе и Савченко!»

— Какое вы имеете право находиться в комнате свидетелей и инструктировать их, какие давать показания? — возразила я, но мой вопрос остался без ответа.

Удивлённые нашим присутствием, свидетели подняли шум, требовали вывести нас. Особенно негодовали, когда узнали, что мы — родственники подсудимого.

Услышав громкие голоса, кто-то из должностных лиц вошёл в библиотечный зал. Я указала на явное беззаконие, и работнице райисполкома пришлось выйти.

Николаю Романовичу ставили в вину проведение богослужения (вечери Господней) в доме Ефросиньи Николаевой, которое провести не дали, а также организацию демонстрации после разгона богослужения в доме Николая Ивановича Федорченко. Вот что тогда произошло.

На праздник Вербное воскресенье в 1985 г. к дому Николая Федорченко собралось много верующих, чтобы прославить Господа. Но милиция и депутаты прибыли туда раньше, дом оцепили и собрание разогнали. После разгона все верующие вместе с Николаем Романовичем с пением прошли по

двум улицам до трамвайной остановки. Идя, делали остановки, кратко читали Слово Божье. Сзади

Друзья простояли целый день, чтобы поприветствовать узника и бросить цветы.

несколько милицейских машин сопровождали идущих, ехали также и по параллельным улицам. Дойдя до остановки, верующие помолились, сели в трамвай и отправились по домам. Это шествие назвали демонстрацией, а на суде объяснили, что подобное деяние квалифицируется как тяжкое политическое преступление.

Суд длился два дня. Начальник КГБ Савинов С. И., подсев ко мне во время судебного процесса, предлагал убедить Николая Романовича быть более сговорчивым, пойти на уступки в вопросах веры, «и тогда ты заберёшь его домой», — пообещал. Стараясь говорить негромко, беседовал также со старшими детьми, но успеха не имел.

Осудили Николая Романовича на 2,5 года строгого режима. В тюрьме он находился недолго, потому что кассационную жалобу, как всегда, не писал и принял срок заключения как от Господа.

Перед отправлением на этап в течение 10 дней Николай Романович просил Господа, чтобы его не отправили в колонию № 9, потому что эта зона славилась особой жестокостью. Туда отправляли рецидивистов и особо опасных преступников. Возможно, прослушав произносимые вслух молитвы, его направили именно на «девятку», где царили ужасные порядки.

«Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (Иер. 10, 23) — только Дух Святой и драгоценные утешения из Писания приносили мир его утомлённому сердцу.

«ЗАБУДЬ, ЧТО ТЫ ВЕРУЮЩИЙ»

Сразу по прибытии на место Николая Романовича вызвал начальник лагеря Власов: «Предлагаю тебе на 2,5 года забыть о том, что ты верующий. Мы выьем из твоей головы дурман».

Работать поставили в столярном цехе. Началась слезка, придирки с целью обвинить его в нарушении режима. А правила существовали такие: если на заключённого составят пять протоколов о нарушении, его осудят по статье 228 на дополнительный срок.

До личного свидания (27 ноября 1985 г.) начальство, боясь огласки, не издевалось над мужем. 27 ноября Николаю Романовичу исполнилось 60 лет. Разрешили свидание на трое суток.

ТЯЖЁЛОЕ СВИДАНИЕ

Накануне свидания я встречалась с гражданским начальником столярного цеха, он охарактеризовал мужа как прекрасного человека, отличного специалиста. По моей просьбе разрешил передать мужу носки, тапочки, а также показать фотографии погибшего брата. Мы пришли на свидание, принесли цветы, но вручить их мужу не позволили. Провели тщательный обыск, проверили все продукты. Всё привезённое с собой нам позволили передать Николаю Романовичу только после свидания.

Как всегда, поместили в крохотную комнату, рассчитанную на двух человек, а нас — четверо. (В то время комната для семейных пустовала, но нам её не предоставили.) Весь разговор прослушивался. Николая Романовича интересовала жизнь церкви, братства. Ответы на вопросы мы писали на туалетной бумаге и тут же спускали в унитаз. Несколько раз нас проверяли: зайдут в комнату, мы молча смотрим на них, они на нас, спросят о чём-либо и уходят.

После свидания учинили основательный обыск: не только тщательно проверяли одежду и сумки, но и заставили раздеться, доводя осмотр до унижительных процедур. Такого обыска нам нигде не устраивали.

Режимники вспороли подкладку в моих сапогах и ножом разрезали каблуки. Я обула сапоги и не могла понять, почему в них так неудобно идти. Только дома увидела повреждённые каблуки — плоды работы зам. начальника по режиму Сенечка.

Не знали мы, что против Николая Романовича задумано коварство. Сразу после свидания его обыскали и обвинили в том, что он якобы пронёс с собой в зону три головки чеснока, фотографии, мочалку, хотя он в зону ещё ничего не пронёс, а только намеревался выйти из комнаты свиданий. Составили первый протокол нарушения лагерного режима.

Сенечек обвинил Николая Романовича ещё и в том, что он якобы пронёс деньги, переданные мной на свидании, и что я эти деньги якобы пронесла в каблуке сапога. Вот для чего понадобилось привести в негодность мою обувь!

Николай Романович отверг ложные обвинения: «Никаких де-

нег жена не передавала. Все слова Сенечка ложь и придирки».

Сенечек в негодовании подскочил к Николаю Романовичу и что есть силы ударил его в солнечное сплетение. Дикая боль пронзила всё тело. Затем он повалил Николая Романовича на стол и придавил так, что массивный угол стола впился ему в живот, и принялся бить по спине. «Всё внутри у меня жгло и нестерпимо болело»,— рассказывал муж.

Сенечек снял с Николая Романовича тапочек и сделал вид, что вынул оттуда спрятанные деньги. «Зачем вы устраиваете это беззаконие?» — обличил его муж.

В это время вошёл начальник лагеря Власов, что-то шепнул Сенечку и тот повёл узника в санчасть «извлекать из желудка деньги, которые проглотил Николай Романович». Врач влил в желудок Николая Романовича трёхлитровый чайник воды и начал вливать другой. Конечно, никаких денег в желудке не оказалось. Зато Сенечку был повод составить второй протокол нарушения лагерного режима — пронос денег.

Николай Романович здесь же, в кабинете, упал на колени и громко взывал к Богу о помощи и защите от жестокого беззакония. Молитва послужила поводом составить третий протокол нарушения лагерного режима — «клевета на советскую действительность в молении».

«АФРИКАНКА»

После мучений Николая Романовича заставили снять чистую одежду (чистое бельё, чистый хлопчатобумажный костюм выдают заключённому, когда он идёт на свидание) и надеть рваную, кишашую вшами одежду, рваные носки, рваные тапочки. Не дали даже фуфайки и поместили в ШИЗО (штрафной изолятор), который заключённые называли «африканкой». Здесь он испытал немислимые глумления, шантаж, пытки.

Что это за камера?

«Африканка» — это каменный мешок, стены которого покрыты инеем. Вверху горит маленькая лампочка. Пол бетонный, в него вмонтированы острые железные уголки, образовывающие собой квадраты 30x30 см. Поставить в них

ногу невозможно даже по диагонали.

К стене «африканки» прикреплены нары, сваренные из таких же уголков, на которых нет ни матраца, ни тряпок. Их никто никогда не просил отстегнуть и никто из арестантов на них не ложится — замёрзнешь.

У двери, где нет уголков, измученные голодом, холодом, вшами люди, скорчившись, ложились на голые доски, положенные сверх бетона, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться и отдохнуть. Если поворачивался на бок один, то должны повернуться все. На «пяточке» вмещалось только туловище, а голову приходилось класть на острые железные уголки, подкладывая под неё руки.

«Декабрь. Холодно. Сквозняк. Напротив камеры — прогулочный дворик, дверь которого открывали специально, чтобы температура в камере была, как на улице. Из-под двери сильно дуло. Мне всегда приходилось лежать с краю. Всех беспрерывно била дрожь».

В камере сидело 5—6 человек. Горячую пищу давали через сутки один раз в день. Обычно особо провинившихся помещали в эту жуткую камеру на трое или пятеро суток, люди больше не выдерживали и выходили простуженными и больными.

Николай Романович пробыл в «африканке» месяц! Полностью с 27 ноября по 26 декабря. Чтобы вытерпеть все мучения и выжить, Николай Романович почти всё время стоял на коленях на голом бетоне. Он не прыгал, как другие, и не занимался физзарядкой, чтобы согреться. У него для этого не было сил: он был болен. Он молился и молился! Если бы вы видели его колени! Никогда не забуду. На коленях у него плотные, тёмные, грубые наросты. В молитве Николай Романович черпал силы оставаться верным Господу и переносить страдания за имя Его.

За пронос трёх головок чеснока (он их даже не вынес из комнаты свиданий) Николаю Романовичу оформили 11 суток «африканки»; за пронос денег (он их даже не видел) оформили ещё 11 суток.

По выходе Николая Романовича из изолятора дежурный по лагерю обвинил его за то, что он не бритый (в ШИЗО арестан-

тов не бреют и в баню не водят), что одет не по форме, нет пуговицы на куртке.

Николай Романович ответил, что их в камере не брили, а в куртке он в той, которую ему дали. Всё равно составили протокол за нарушение режима содержания и дали ещё 5 суток ШИЗО.

— Почему надо мной творят произвол и явное беззаконие? — спросил Николай Романович дежурного.

— Мне приказали дать тебе ещё пять суток,— как бы извиняясь, ответил тот.

Так издевались над невинным человеком.

К концу пребывания в холодной камере у Николая Романовича внутри всё горело, нога распухла, на колене сосредоточился огромный нарыв. И тут его вызвал начальник по режиму и заставил писать объяснение, почему он всё время молился? Почему спал на полу, а не на нарах?

«По десять часов в сутки я проводил в коленопреклонённой молитве. Это была единственная настоящая радость. Я не надеялся остаться в живых, был истощён, потерял силы для сопротивления невзгодам.

Только смерть может оборвать мою молитву, а так — никакие силы не разорвут моей связи с Богом».

За этот мужественный ответ Николая Романовича, больного и измученного, отправили опять в «африканку». Он покорно пошёл, но вскоре его вызвали и перевели в зону. Это было 26 декабря 1985 года.

На следующий день Николай Романович, превозмогая сильную боль во всём теле, вышел на работу, но работать не смог. Пошёл в санчасть. Осмотрев распухшую ногу, его сразу же положили в больницу: гангрена... Чтобы усугубить его положение и причинить больше страданий, начальство дало указание врачам положить его на верхний ярус нар.

Нога продолжала распухать, покрылась багрово-синими пятнами. Опухоль дошла почти до таза. Прописали какие-то уколы и велели мазать мазью, но болезнь не отступала. Вызвали хирурга. Он осмотрел ногу (это была пятница) и сказал, что в понедельник его отправят в областную больницу для экзков и будут ампутировать ногу.

ГОСПОДЬ ОТКРЫВАЛ ЗЛЫЕ ЗАМЫСЛЫ НЕДРУГОВ

О состоянии здоровья Николая Романовича мы узнали позже. Расскажу, как Господь чудным образом открывал нам злые замыслы начальства лагеря.

Во время свидания Николай Романович сказал, что отправит нам письмо 2 декабря (на строгом режиме разрешено только два письма в месяц). Письмо должно прийти 5 декабря. Я подождала до 10 декабря и пошла к цензору узнать, почему нет от мужа письма. «Ждите»,— безразлично ответила она.

Подождав ещё два дня, я вновь пошла в лагерь, хорошо понимая, что с мужем что-то произошло или он наказан. Встретив отрядного, решительно спросила:

— За что вы наказали Савченко и насколько?

Он не ожидал прямо вопроса:

— За нетактичное поведение и пронос запрещённого он наказан на 11 суток.

— В чём выразилось нетактичное поведение и что запрещённого он пронёс?

— Не скажу,— повернулся и ушёл.

Я поняла, почему нет писем и зачем повредили каблуки моих сапог.

Пошла к замполиту: «Объясните, пожалуйста, за что наказали мужа». Он пытался меня убедить, что муж не наказан:

— Работает, жив, здоров. Скоро напишет. Вам не о чём беспокоиться...

— Это ложь. О наказании мужа мне сказал начальник отряда.

— Да, за нетактичное поведение Савченко действительно наказан,— побагровел он от гнева.

— В чём оно выразилось? — настаивала я.

Он наотрез отказался сообщить. В это время в кабинет вошёл офицер. Услышав конец нашей беседы, он возмутился:

— Ишь! вздумал клеветать на советскую действительность! Прыгнул в угол и давай вопить, жаловаться своему Богу!

— Не смей с ней разговаривать,— остановил его замполит.

— Во-первых, муж не молодой, чтобы прыгать в угол,— возразила я. — Во-вторых, вы творили над ним скорее всего явное

беззаконие, поэтому он вынужден был встать на колени и искать защиты у Бога.

Вошедший в кабинет офицер был Сенечек. Позже мы узнали, что именно он мучил моего мужа.

Меня выгнали из кабинета замполита. Тогда я пошла на приём к начальнику лагеря Власову А. И. Он так же, как и замполит, пытался убедить меня, что с Николаем Романовичем всё в порядке.

С этого времени я ходила в лагерь через день, а иногда каждый день, желая хотя что-то узнать о судьбе родного человека. Но лагерное начальство хранило молчание, никто не проронил ни слова. Иногда меня выгоняли даже из вестибюля штаба.

4—5 сестёр-старниц Омской церкви не один раз ходили на приём к Власову. Он их принимал, терпеливо выслушивал и с улыбкой убеждал: «Савченко жив, здоров и всем доволен». А Николай Романович в это время тяжело страдал в «африканке».

Дорогие сёстры, любя Николая Романовича, жертвовали здоровьем, временем. Декабрь. Мороз. Несмотря на это, они приходили под высокие стены лагеря, там молились; усиленно ходатайствовали перед начальством, взывая о милосердии и обличая.

После 20 декабря я вместе с сёстрами попала на приём к Власова. Он встретил нас всё тем же равнодушным объяснением:

— Савченко жив, здоров...

— Всё это ложь! Вы совершаете над мужем тайное глумление! — остановила я злобную насмешку.

Его дежурная улыбка, выдержка моментально исчезли. Грубым окриком он обрушился на меня:

— Савченко! Прекратите заниматься подстрекательством и организовывать эти делегации! Я привлеку вас к ответственности за ложь! Я больше не буду принимать вас и ваши делегации!

— Если я говорю ложь, то приведите сейчас сюда моего мужа и покажите его нам. Если я сказала неправду, готова просить у вас прощение. Приведите его.

Убавив высокомерный тон, он стал прежним Власовым и твёрдо заявил:

— Впредь я буду разговаривать только с родственниками Савченко, а не с сёстрами по Крови Христа!

После этого я ходила в лагерь одна. Все офицеры штаба знали о цели моих визитов.

ОФИЦЕР ШЁЛ НА РИСК

2 января 1986 года мы пришли в лагерь с дочерью Верой. Зашли в кабинет к замполиту. Нас оттуда выпроводили. Стояли в коридоре, не зная что делать, к кому обратиться. Мимо проходил офицер, незаметно оглянувшись по сторонам, тихо произнёс:

— Савченко болен, лежит в больнице.

— Что с ним? — не повышая голоса спросила я.

— Находясь в ШИЗО, он много молился, а там пол не приспособлен для этого. Он простудил колени, на одном колене нарыв.

— Скажите, он живой?

Офицер кивнул головой.

— Если можно, пусть он напишет, хоть одну строчку своей рукой, большего нам не надо.

Он опять осмотрелся и пообещал:

— Хорошо. Приходите завтра часам к двум, я постараюсь выполнить вашу просьбу.

Дорогие читатели этих невероятно скорбных строк! Надеюсь, вы поймёте, как я и моя дочь были благодарны нашему Другу, Помощнику Иисусу Христу, Который послал человека с радостной весточкой, что Николай Романович жив.

Одна или с кем-нибудь из детей я бесщётно раз ходила в лагерь и, ничего не узнав о муже, возвращалась домой с тяжёлым сердцем. Иногда опускались руки, унывала. Всех нас томила неизвестность и тревога за жизнь и здоровье любимого нами человека. Вера, бывало, подходила ко мне и говорила: «Мама, не переживай сильно, Бог нас не оставит. Давай споем нашу любимую песню».

И мы садились с ней на диван и пели. В слова песни мы влагали всю душу:

На сердце у меня так тягостно и больно,
Шипами острыми усеян жизни путь.
Вокруг все веселы, счастливы и довольны,
А мне хотя бы немного отдохнуть.

О, Господи, как трудно в этой жизни
Нести свой крест, возложенный Тобой.
Дай силы мне, чтоб я без укоризны,
Терпел без ропота, не падая душой.

Когда же смолкнут этой жизни волны,
Ты скажешь им: «Довольно, перестань!»?
Взгляни: уж кладези души страданьем полны,
А слёзы горя льются через край.

Не плачь, душа, что скорби окружают,
Тебе нет счастья в мире на земле.
Всё счастье там, где мирно отдыхают
Святые, кончившие путь свой на земле.

Потом склонялись на колени, молились, и Господь посылал подкрепление, силы, утешение. Мои старшие дети имели свои семьи. Они очень переживали об отце, но забота о своих малолетних лишала их возможности ходить в лагерь. Больше всего посещали и ходатайствовали мы с Верой. Люда была несовершеннолетней.

3 января мы пошли в лагерь вместе с сыном Мишей и его женой. Они зашли в кабинет к Власову, а я осталась ждать офицера, который обещал принести мне записку от мужа. Он подошёл в назначенное время и сказал: «Я дам вам прочитать записку при условии, что вы возвратите её мне. Дайте слово, что вернёте».

Я понимала, что этот добрый человек шёл на огромный риск, он жертвовал работой, честью офицера. Связь с заключённым строго каралась законом, да ещё с таким опасным, как Савченко. Я пообещала вернуть. Осмотревшись по сторонам, он подал мне дорогой клочок бумаги. На нём я увидела несколько строчек, написанных рукой Николая Романовича. Он писал, что лежит в больнице, болит нога, просил усиленно молиться о нём Богу. Я поблагодарила офицера, отдала записку. Он тут же порвал её на мелкие кусочки.

Благодарность Господу за сердечное расположение незнакомого человека, открывшего истинное положение нашего дорожного узника, заливала мою душу!

ГЛУМЛЕНИЕ НАД МУЖЕМ СТАЛО ИЗВЕСТНО

В это время начальник штаба Власов повторял очередную ложь моим детям: «Савченко жив, здоров. Работает. Скоро напишет. Напрасно вы беспокоитесь о нём. Не тратьте время на хождение в лагерь». Миша тогда был неверующим. Молодой, горячий, силы в руках ему не занимать. Потом он признавался: «Слушал я Власова, а пальцы мои сами сжались в кулак. Мне хотелось вскочить и ударить его за мерзкую ложь, но жена крепко сжала мою руку и шепнула: не делай этого».

Была пятница, когда мы узнали о тяжёлом состоянии Николая Романовича. Вечером на собрании я сказала о его болезни и просьбе поддержать в молитве. Все усиленно молились.

Позже, на свидании, Николай Романович рассказывал:

«В ту пятницу врач, осматривая ногу, сказал: "Если до понедельника багрово-синие пятна не исчезнут, придётся отправить в больницу на ампутацию ноги". Я знал, что моя дорогая церковь вечером будет молиться обо мне и сам усиленно молился. К ночи пятна стали исчезать, немного утихла боль, опухоль уменьшилась. Утром в понедельник врач осмотрел ногу и удивился: болезнь явно отступила.»

6 января от имени детей мы написали заявление начальнику Областного Управления лагерями и пошли с Верой к нему на приём. В заявлении изложили известные нам факты творимого над мужем и отцом беззакония и просили во всём разобраться.

Многие верующие посылали ходатайственные письма и телеграммы на имя правительства в Москву. Обращались к прокурору по надзору Омской области.

Управление вынуждено было направить в лагерь комиссию для проверки фактов насилия. Тогда мы не знали, что и Николай Романович написал объяснительную. Оказалось, мы составили почти одинаковые заявления, даже одни и те же слова употребили. Например, мы писали: «Наш отец верующий, поэтому он будет и умирать с молитвой на устах. Вы не заставите его молчать. Молитва — его жизнь». Это писал и Николай Романович.

22 января мы получили, наконец, от него письмо, в котором он кратко и осторожно описал свою болезнь. Все письма стро-

го проверялись. За откровенное слово не только задерживали письмо, но и вообще лишали права переписки.

В начале февраля Николай Романович смог передать весточку с подробным изложением издевательств, которые претерпел. Я сразу же отослала копию письма в Совет родственников узников. Вскоре вышло «Срочное сообщение», с полностью напечатанным письмом Николая Романовича.

В лагерь потекли потоком ходатайства и телеграммы от церквей из разных городов страны.

Омское управление и колония встревожились. Ожидая расследования фактов, изложенных в письме, срочно убрали железные уголки с пола в «африканке», сняли нары-убийцы, немало повысили температуру в «каменном» мешке. Но!

НОВЫЕ ПЫТКИ

Одновременно начались новые пытки для Николая Романовича. Его вызывали режимники: кто написал письмо? Через кого передал на волю? Требовали без конца писать объяснительные: он писал, писал. Начальство негодовало. Ему грозили большим наказанием, если не скажет, через кого передал письмо. «Какой бы пост ни занимал передавший письмо, он будет за решёткой!» — ярости гонителей не было конца.

Допросами, угрозами, бесконечными вызовами администрация лагеря окончательно подорвала здоровье Николая Романовича: он не мог ходить, болело всё тело, распухло лицо, поднялось давление. Его хотели направить в больницу.

Заключённые, видя его страдания, сочувствовали ему, и с тревогой спрашивали: «Что, опять избил?»

Николай Романович помолился, и Господь снова его исцелил.

И всё же его силой поместили в больницу. Четыре раза в день вводили неизвестное лекарство и заставляли принимать какие-то таблетки, несмотря на то, что Николай Романович ни на что не жаловался. Появились сильные головные боли, открылась рвота. Нестерпимо болело сердце, спина, было трудно дышать. Онемело всё тело. Ему было плохо даже от глотка воды. Тело было сдавлено словно панцирем, «мурашки» бегали по лицу.

Он опять сообщил домой. Я срочно приехала. Мне сказали, что с уколом Николаю Романовичу внесли какую-то инфекцию.

«Когда приходила мысль, что, может, расстанусь с жизнью,— вспоминал Николай Романович,— я и тогда знал, что уйду в блаженство. Просил только Господа, чтобы переход был по силам».

Николая Романовича заключённые чаще всего видели молящимся. «Он непрерывно молится!» — удивлялись люди. Молился он вслух и в бараке, и в камере, и в кабинетах начальников.

На одном из допросов Николай Романович решительно заявил: «Я вам не раз говорил, что письмо написал я, а через кого передал на волю — умру, но не скажу!» Только после этого Николая Романовича оставили в относительном покое.

Заключённые благодарили моего мужа, что он своими страданиями, письмом и ходатайствами верующих о жуткой камере пыток помог убрать эти орудия пыток, убрать «африканку», немного усилить питание в ШИЗО.

Верующие настаивали, чтобы в лагерь направили международную комиссию для расследования фактов пыток в «африканке». Поэтому начальству пришлось немного ослабить режим.

Об условиях в «африканке» очень хорошо описал Михаил Иванович Хорев в письмах родным. Он в этой камере побывал не один раз по нескольку суток. На дорогого брата тоже собрали клеветнический материал и осудили на территории лагеря, добавив к сроку ещё два с половиной года без выхода на свободу.

«ПЕРЕД НАМИ СТОЯЛ СКЕЛЕТ...»

Потянулись месяцы. С волнением и тревогой мы ожидали от Николая Романовича каждого письма. Он не жаловался. О болезни писал мало. Письма его наполнены благодарностью Господу, наставлениями детям, в некоторых — целые проповеди. В них он вкладывал всё своё истрадавшееся сердце!

Под различными предложениями нас лишили двух общих свиданий. Здоровье Николая Романовича ухудшалось, силы слабели. Дважды его помещали в больницу, где питание немного лучше. Участились сердечные приступы, давление 220х100, он еле пе-

реставлял ноги и в таком состоянии работал.

Начальство прекрасно понимало, особенно Сенечек, что Николай Романович слабеет с каждым днём. Он был прекрасным столяром, делал для начальства всякую мебель, но из-за слабости не мог носить доски, пилить, обрабатывать их. В помощь ему выделили два человека. Они полностью обрабатывали доски, а Николай Романович делал только разметку и давал указания, как правильно сделать разрезы, собрать детали на то или иное изделие.

Наконец, в ноябре 1986 года нам разрешили личное свидание на трое суток. С каким волнением мы ожидали его! Специально на свидание прилетела Лена из Ростова.

Опять — тщательная проверка, та же маленькая душная комната на два человека. Мы с Леной и Людой договорились, что при встрече с папой не будем плакать, наоборот, будем ободрять и утешать его. И вот он медленно зашёл в комнату. Нам удалось подавить возглас удивления и сострадания. Слёзы сами собой потекли из глаз при виде измученного, измождённого болезнью и переживаниями нашего дорогого отца. Перед нами стоял скелет, обтянутый жёлто-зелёной, местами серой кожей. Плакал и Николай Романович. Мы склонили колени, и он вознёс благодарственную молитву за то, что Бог удостоил его чести принять страдания за имя Его. Ни единого слова ропота, жалобы, ни стонов. С неуёмной жадностью он выслушивал весточки о деле Божьем, о братстве, о церкви, семье.

Ел он мало, без всякого аппетита. Старался не огорчать нас отказом от пищи. Во время свидания Николай Романович совершил молитву над Леной об исцелении с возложением рук.

ГЛАВА X

«...Проходя с гонимым братством путь скорбей, он потерял душу свою ради Христа и Евангелия и удостоился принять из рук Господа неувядаемый венец славы (Марк. 8, 35).

...Он мог повернуть на стезю сделок со грехом и жить беспечной жизнью. Но это означало бы для него духовную смерть и ожидание Божьего суда. Поэтому он решительно отверг всякое предложение искушителя и избрал путь правды, путь узкий и тернистый, ведущий в жизнь вечную! Такой ценой строилось его служение и совершалось восхождение...»

Г. К. Крючков

ОСВОБОЖДЁН УМИРАТЬ

После свидания письма от него получали регулярно. В них он кратко, одним абзацем общал о здоровье, которое слабело с каждым днём. Церковь интересовалась его состоянием. На членских собраниях я дословно зачитывала его краткие сообщения и все молились о нём.

Николая Романовича усиленно посещал работник КГБ Гавриличенко Е. И. Настаивал зарегистрировать церковь, предлагал помощь в лечении и много других благ, которые Николай Романович отверг. Грозили судить по внутрилагерной статье. Протоколы нарушений давно были готовы, но гонители видели, что Николай Романович физически не выдержит нового срока наказания, поэтому старались добить его морально.

В это время по всей нашей стране гонения стали понемногу утихать. Братьев и сестёр освобождали из лагерей условно-досрочно (УДО). В заявлении на УДО заключённый должен был признать свою вину и пообещать комиссии

«встать на путь исправления». Такое заявление предлагали написать и Николаю Романовичу. Он виновным себя не признавал, поэтому не мог дать обещания исправиться. Начальство оказалось в тупике. Оно знало, что Николай Романович неизлечимо болен, его нужно актировать по болезни и освободить, а это значит признать свою вину и отвечать за нанесённый вред его здоровью.

Я часто ездила в колонию, встречалась с главврачом лагеря. «Даю гарантию, что вашего мужа освободят»,— заверила она. Но на просьбу посмотреть историю болезни мужа получила от неё категорический отказ. «После освобождения он обязательно должен встать на учёт к участковому врачу,— сказала она.— Он сделает в лагерь запрос о состоянии здоровья вашего мужа, и тогда мы вышлем историю болезни на адрес поликлиники». Ни в какую поликлинику Николай Романович ни разу не ходил, и мы до сих пор не знаем, что написано в той истории.

По просьбе начальства Николай Романович написал заявление на условно-досрочное освобождение без какого-либо признания вины и обещаний исправиться.

В 1987 году Пасху праздновали 19 апреля. Николай Романович прислал коротенькое письмо, а вскоре — внеочеред-

Зам. начальника Омской колонии № 9, зная, что Николай Романович после пыток не в состоянии самостоятельно добраться домой, в ведомственном автобусе хотел довести его до калитки дома.

Но мученик гонимого братства, освобождённый фактически умирать, настоял и вышел из автобуса. Домой к семье он пришёл без сопровождения гонителей. (Теперь этот дом снесён, родные живут по ул. Белорусская, дом 11.)

ную открытку, в которых сообщал, что комиссия не отказала ему в досрочном освобождении, и просил приехать за ним в лагерь 19 апреля, потому что сам он не сможет доехать домой. Мы готовились к встрече. Но его освободили 17 апреля. Посадили в ведомственный автобус и привезли домой в сопровождении замна-

В кругу семьи после освобождения

чальника колонии и ещё нескольких человек. Николай Романович отказывался от их услуг, но они не хотели его слушать. Доехав до поворота на нашу улицу, Николай Романович просил выпустить его из автобуса. Начальник ответил: «Довезём тебя до самой калитки». Кое-как Николай Романович убедил их остановиться за два дома до нашего жилья. К семье он пришёл без сопровождения гонителей.

Зашёл он в родной дом с небольшим пакетом, в котором лежали наши письма, а также письма и открытки друзей. Мы преклонили колени, и горячая молитва благодарности Богу вознеслась из его уст и из нашего сердца. Он благодарил Господа за весь путь, которым Бог провёл, за все страдания, за то, что помог вернуться домой живым.

ВСТРЕЧИ С ДРУЗЬЯМИ ПО ВЕРЕ

Так окончились третьи узы нашего дорогого мученика за верность Господу, за отказ от сотрудничества с гонителями и за то, что он ни под каким предлогом не соглашался на греховных условиях зарегистрировать церковь.

Весть об освобождении Николая Романовича быстро распро-

странилась по районам, городам. К нам отовсюду ехали братья и сёстры и приглашали его к себе.

Чувствовал себя Николай Романович весьма слабо. У него то и дело поднималась температура до 39° и выше, начинало морозить, и мы не могли ничем его согреть, пока не прекращался приступ. С большим трудом Николай Романович посетил Миролюбовку. Братья приехали за нами на машинах. 17 мая вечером прошло многолюдное служение. На следующее утро, невзирая на дождь и грязь, братья повезли его в село Ивановку к сестре-старице, более 50 лет лечившей людей (она получила медицинское образование ещё в царское время). Братья желали, чтобы она осмотрела Николая Романовича. Он возражал, но они настояли.

Сестра помолилась Богу, прося у Него мудрости, и, когда медленно пальпировала, крупные слёзы катились по её морщинистым щекам: «Брат, как ты жил? Желудок у тебя смещён на 12 сантиметров, повреждена печень, желчные протоки. Кишечник — сплошная опухоль». Что было в её силах, сестра предприняла и просила обязательно привезти Николая Романовича хотя бы ещё раз. Назначила лечение. Братья и сёстры готовы были отдать всё, только бы здоровье Николая Романовича поправилось. Безгранично много оказали ему

Отрадные минуты встречи с дорогой церковью

любви, внимания, участия!

Через короткое время Николай Романович ещё раз посетил старицу. После этого у него появился небольшой аппетит, он немного окреп, но на короткое время... Приступы продолжались.

Николай Романович был членом Сибирского совета нашего братства. Служители пригласили его поехать на совещание и одновременно встретиться с верующими г. Новосибирска. Обещали снабдить транспортом и, если понадобится, оказать медицинскую помощь. Николай Романович буквально рвался встретиться с дорогими братьями и сёстрами. Я советовала не ехать, но он был непреклонен. Купили два билета, второй — для сопровождающего. На мотоцикле с люлькой мы прибыли на вокзал за 30 минут до отправления поезда. И тут на привокзальной площади у него начался приступ. Он пытался подняться, но силы оставили его. Пришлось сдать билеты. Дома только к утру ему стало легче. Понял он, что отправляться в дальнюю дорогу у него нет ни здоровья, ни сил.

И всё же он предпринял ещё одну поездку в город Тару (400 км от Омска). Плыли на ракете, свободных мест — много, свежий воздух. Доехали хорошо. Провели служение, долго беседовали, молились. На обратном пути у него опять начался приступ. Мы уложили его на сиденья, укрыли. Прибыв в Омск, наняли такси. Он кое-как поднялся. После этого он просил меня никуда его не отпускать.

БЕСЦЕРЕМОННЫЕ СОТРУДНИКИ КГБ, СПОСОБНЫЕ МУЧИТЬ ДАЖЕ УМИРАЮЩЕГО

Вскоре после освобождения Николая Романовича к нам наведалься работник КГБ Гавриличенко Е. И. для беседы. Николай Романович наотрез отказался и даже в дом его не пригласил. Через меня попросил, чтобы работник КГБ не приходил и не мучил его.

Заявление Николая Романовича ничуть не смутило работника спецслужб. Он вскоре опять появился на пороге. Николай Романович лежал очень больной. Я разрешила Гавриличенко войти в дом. Он прошёл в комнату, спросил разрешение сесть за стол и начал сожалеть о болезни Николая Романовича. «По

моему ходатайству вас устроят в самую хорошую больницу города!» Поинтересовался, как теперь будут проходить служения в церкви.

— Каким образом ваш адрес попал за границу? — спросил у меня. — Почему вы получаете так много открыток из-за рубежа? Приготовьте их к моему следующему посещению.

Ни на один вопрос непрощенный посетитель не получил ответ ни от меня, ни от мужа. Николай Романович конкретно сказал: «Прошу вас больше не приходить в мой дом! Я перенасыщен беседами с вами в лагере. По вашему указанию меня избili, бросили в "африканку". Вы лишили меня здоровья и теперь заботитесь восстановить его в больнице?!»

Но тот с поразительной настойчивостью продолжал приходить к нам ещё несколько раз. Беседовать с ним мы наотрез отказались. Привожу заявление Николая Романовича Совету родственников узников по этому поводу:

«Вернувшись из уз в родную мне церковь в апреле 1987 г., я утешал себя теперь уже обрётённым покоем после ряда злодеяний, совершённых надо мною лагерной администрацией, избившей меня и содержащей в крайне тяжёлых условиях под постоянными угрозами, отчего здоровье моё подорвано до степени безнадёжности и жизнь моя граничит со смертью.

Но и на воле я не оказался вполне свободным от преследований. Начались непрерывные вызовы то в собес (я пенсионер), то в горисполком, то в райисполком. Начиная с 3 декабря 1987 г., меня стали преследовать и на дому в лице участкового работника милиции ст. лейтенанта Коваленко Юрия Михайловича совместно с внештатным участковым Семёновым Анатолием Ивановичем.

Будучи обессиленным по упомянутой выше причине, я редко могу посещать наши христианские богослужебные собрания, а необходимость в общении велика и ничем не заменима, поэтому я, чтобы восполнить потребность моей души, стал приглашать верующих в свой дом. Это моё непреодолимое желание и послужило дополнительным поводом для гонений. 8 декабря работник милиции Коваленко Ю. М. составил на меня постановление об административной

ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах и вручил повестку о явке на административную комиссию. Свое действие он объяснил как результат консультации с КГБ и культовыми работниками исполкома. Потом ещё и ещё были приглашения и посещения милицией и иными лицами.

Но более всего меня и мою семью затрудняет посещение на дому работника КГБ Гавриличенко Евгения Ивановича, который уже трижды наносил нежелательные визиты. Я и моя семья протестуем против такой бесцеремонности, вольности и вседозволенности, которые позволяет себе работник КГБ. Кроме того, последнее посещение Гавриличенко сопровождалось обвинением меня в связях с иностранцами и жёстким приказом прервать каналы, по которым поступают письма от зарубежных христиан, наших братьев и сестёр. После этого к нам действительно перестали поступать письма от верующих из-за рубежа. У нас появилось беспокойство, что Гавриличенко от нашего имени может скомпрометировать нас, а поэтому просим ходатайствовать прекратить незаконные против нас и оповестить зарубежных верующих ЕХБ о создавшемся положении.

Прошу вас также, милые братья и сёстры, оповестить, если возможно, всех верующих, что я остаюсь многократно благодарен всем за исключительно искреннее сочувствие мне, бывшему узнику.

Приветствую вас всех, дорогих и любимых христиан баптистов, единомышленников, страдающих мне как бывшему узнику за имя Христа. "...Вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби" (Фил. 4, 14). Я получил ваши письма... Я доволен вашими ходатайствами, ибо они, как благовонное курение, как жертва приятная, благоугодная Богу (Фил. 4, 18).

В данное время я нахожусь на свободе, освобожденный по молитвам и ходатайствам народа Божьего. Страдания, причинённые мне в узах, ослабили мои физические силы до такой степени, что я большее время пребываю в постели, скапливая таким образом силы, стараясь, хотя временами, быть на наших христианских собраниях. Передвигаюсь с затруднениями, но стараюсь быть бодрым духом. До свидания!

Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет с нами. Ваш брат во Христе Н. Р. Савченко.

Прошу вас, моих дорогих друзей, молиться обо мне и ходатайствовать сообразно с вышесказанными просьбами, а власть имеющих прошу предотвратить гонения. Неужели в вопросах вероисповедания сохранятся репрессии и гонения худших времен культа личности? Неужели права и свободы евангельские так и не обретут в нашей стране открытого, полноправного исповедания без вмешательств извне, вызывая болезненные последствия? Тогда это беда для всей страны».

Николай Романович с молодёжью после радостного дня крещения, 1988 г.

ГЛАВА XI

«Через всю историю христианства золотой нитью проходит жизнь тех, кто страдал за Христа и умирал ради имени Его! Они были "столпом и утверждением истины", были тем Божественным Телом — Церковью Христа — которую Апостол Павел назвал "твердым основанием", которое "стоит, имея печать сию: "познал Господь Своих"; и: "да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа"» (2 Тим. 2, 19). Это был тот остов, который Бог называет побеждающей Церковью!»

Г. К. Крючков

БОГ ДАВАЛ СИЛЫ ДЛЯ СЛУЖЕНИЯ

Разгоны собраний Омской церкви продолжались, внешние быстро узнавали о местах их проведения. Поэтому братья не объявляли на общих собраниях, где будет следующее общение. Об этом знали один—два человека. В воскресный день брат или сестра, стоя на остановках автобуса или трамвая, на вокзале или на центральной площади, направляли всех верующих по известному адресу. Иногда милиция находила нас даже по тщательно скрываемым адресам, разгоняла, составляла протоколы. Невзирая на трудности и гонения, богослужения проходили каждую неделю по пятницам и воскресным дням. Продолжались и спевки хора.

Николай Романович старался не пропускать богослужений и оставался дома лишь тогда, когда не находил сил подняться, но это было редко. В основном он выпрашивал у Бога сил для

служения Ему в доме молитвы в утренние воскресные часы. Домой возвращался измученным, но благодарным Богу за поддержку и помощь.

Николай Романович совершал в церкви вечерю Господню, бракосочетания, крещение. Первое крещение состоялось на Иртыше в июле 1988 г. Второе назначили на конец августа

Последнее крещение, 1988 г.

1988 г. Об этом крещении я расскажу особо, потому что Бог совершил явное чудо над Николаем Романовичем, о чём он рассказал мне через несколько дней после крещения.

Из-за опасения прихода атеистов, братья нашли хорошее место на Иртыше за городом. Идти пешком до места крещения очень далеко. У кого был какой-либо транспорт, под-

возили верующих. Некоторым приходилось идти пешком туда и обратно.

В последнюю субботу августа перед крещением на членском собрании должны принимать в члены церкви двух сестёр из района, но приехала толь-

ко одна. Остальные шесть прошли испытание и были приняты. Все крещаемые — юные души, в том числе и наша дочь Люда. Почти все они посещали воскресную школу, почти все каялись перед Богом в один день и почти все вместе принимали крещение.

В конце августа наступило резкое похолодание, а в день крещения поднялся сильный ветер. Холодные серые тучи заволокли всё небо. К вечеру температура воздуха понизилась до 3—5° тепла. На берегу Иртыша — ещё холоднее.

Из рассказа Николая Романовича:

«Темно. 23 часа ночи. Когда я вошёл в ледяную воду, меня обожгло холодом. Со мной, для подстраховки, вошёл в воду брат Володя Шаров. Сестрички одна за другой заходили в воду, я задавал вопросы, крестил, но чувствовал, что у меня начинает деревенеть всё тело, начиная с ног. Коченели руки, но мне хватило сил крестить седьмую душу. Если бы приехала восьмая сестра, у меня, наверное, не хватило бы сил крестить её. Брат Володя помог мне выйти из воды».

Присутствовавший на крещении брат Федорченко И. И. искренне восхищался: «Николай Романович не похож на больного, так громко говорит и крестит! Я и то уже замёрз».

Братья переодели Николая Романовича в сухое, посадили в теплую машину. Домой заносили на руках. Мы уложили его в постель, тепло укрыли, но его всего трясло, поднялась высокая температура. Только часа в три ночи наступило облегчение, я напоила его горячим чаем и он уснул.

Наутро, в воскресенье, собрание назначили у Ивана Федорченко. Нужно совершать молитву над крещёнными с возложением рук. Это служение должен был совершать Николай Романович. Зная его состояние, мы опасались, что он не сможет подняться с постели. Но около семи утра я услышала пение — это Николай Романович ходил по двору и пел! Никаких признаков простуды! Не простудился и никто из крещённых.

В это время у нас в доме находился брат Вениамин Хорев, его брат Павел и их мама Вера Георгиевна. Они часто приезжали к нам, когда Михаил Иванович находился в девятой зоне омского лагеря. Мы вместе ходили в Управление, в ла-

герь, ходатайствовали.

Вениамин присутствовал на крещении и позже делился со мной: «Совершённое Николаем Романовичем крещение — настоящее чудо. Больному человеку пробыть немало время в ледяной воде, громким голосом задавать вопросы и крестить — такое совершить можно только с Божьей помощью!»

К НЕМУ ШЛИ С ИСПОВЕДАНИЕМ

Дорогие друзья! Николай Романович имел любящее сострадательное сердце. Он мог понять скорбь другого человека, разделить её. Находясь в тяжелой болезни, он старался посещать больных и утешал их. К Николаю Романовичу домой часто приходили и молодёжь, и пожилые, открывали сердечные переживания, просили совет и вместе молились.

Он болел душой за братство, за церковь и за каждого члена церкви в отдельности. До сих пор со слезами благодарно-

Молодые друзья во время посещения, 1988 г.

сти его вспоминают старцы, и особенно вдовы.

Приходили к Николаю Романовичу с исповеданием и покаянием в грехах. Наши дети открывали мучившие их грехи и молились. Так поступали Лена, Вера. В последний раз на свидании в лагере Лена открыла отцу свою душу, исповедовала грехи, он совершил над ней молитву, и Лена выздоровела.

НИ К ОДНОМУ ЛЕКАРСТВУ НЕ ПРИТРОНУЛСЯ

В Новосибирске живёт самая младшая сестра Николая — Вера Романовна. Она по профессии врач невропатолог. Не буду перечислять всех её заслуг, скажу кратко: она — опытный специалист, консультирует больных, её любят и ценят как умного и внимательного врача. Хотя Вера не ходит на собрания, но боится Бога и всегда мысленно обращается к Нему при посещении каждого больного, чтобы Он дал ей разум правильно поставить диагноз, и Бог помогает ей. Диагнозы она ставит

Семья Николая Романовича Савченко, 1987 г.

почти всегда точные. За это её ценят как специалиста. Вскоре после освобождения Николая Романовича Вера приезжала к нему. Она — единственный человек, которому он не противился при осмотре.

Вера стала собираться домой, Николай Романович предложил помолиться. Мы преклонили колени, она от рыданий не могла молиться, только просила Бога дать Николаю силы перенести все страдания.

Я пошла провожать её. Она мне повторила то, что я уже слышала от сестры-старницы: у Николая Романовича все внутренние органы повреждены. Ему уже ничто не поможет. Он неизменно страдает.

Она приезжала ещё раз, привезла много дорогостоящих лекарств, рецептов, просила Николая принимать их для облегчения боли. Николай Романович взял лекарства, поблагодарил за заботу, любовь, но ни к одному из них не приоткрылся.

ОН ПРОЩАЛ ОБИДЧИКАМ

У Николая Романовича, как и у всех людей, были немощи. Он очень тяжело переносил незаслуженные оскорбления. Победу над ними он обретал в молитвах перед Богом. Нанесённые обиды, унижения нужно иметь силу не только перенести, но самое главное, простить и не вспоминать. Николаю Романовичу с помощью Господа это удавалось.

Много незаслуженных унижений, оскорблений перенёс наш Христос! На Него плевали, Его заушали, над Ним смеялись. Но Господь всё покрывал любовью. Николай Романович старался жить по Слову Божьему и поступать так, как хочет Господь. Сейчас, когда его уже нет, я вспоминаю нашу жизнь, анализирую её и удивляюсь, поражаюсь и восхищаюсь его мужеством, терпением и верностью Богу. Когда случалось, что Николай Романович причинял кому-то какую-то боль, он находил мужество сознавать это, просить прощение и каяться. А это — великая победа христианина.

Незадолго перед кончиной он просил спеть его любимым псалом: «В житейских волнениях под шум урагана...» или:

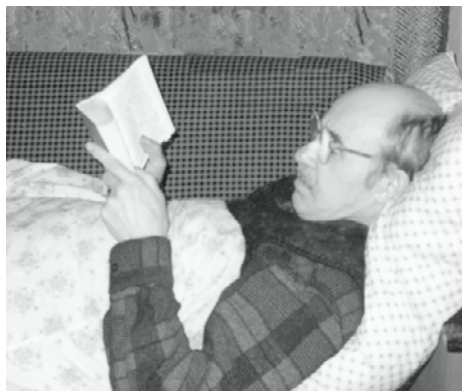
«Путь к Голгофе далек...». Он вторил нам слабым голосом, часто во время пения плакал.

Здоровье его ухудшалось, он больше лежал, читал Библию, писал, если были силы. Когда не хватало сил стоять на коленях, молился, облокотясь или опираясь на «козырек» над печкой.

Ему очень трудно становилось встречаться и беседовать с друзьями, братьями, сёстрами местными и приезжими из других городов. Они понимали его состояние, долго не задерживались, не обижались. Николай Романович никогда не стонал, вернее, старался не стонать, хотя испытывал мучительные боли во всём теле, особенно в печени.

«МОЙ ДУХ ДАВНО ЖДЁТ ВСТРЕЧИ С ГОСПОДОМ»

19 марта Николай Романович утром был на собрании (на все служения его возили на машине). С трудом проповедовал, затем провёл краткое братское собрание. Вечером воскресного дня он

попросил у меня прощение, я попросила взаимно.

Здоровье стало резко ухудшаться. В среду пришла его старшая сестра — Тамара Романовна, пришла взволнованной. Зарыдала, не могла говорить, а потом сказала: «Люда, Николай идёт к концу». Я просила её не говорить так громко, но Николай Романович слышал весь наш разговор.

Немного успокоившись, Тамара села около Николая Романовича. Он с улыбкой сказал: «Томочка, что ты так плачешь? Не плачь обо мне, мой дух давно ждёт встречи с Господом, он уже соединён с Ним, только плоть удерживает меня на земле».

У Николая Романовича было полное упование на желанную встречу со своим Спасителем.

Вечернее богослужение в пятницу закончили раньше, и очень многие братья и сёстры пришли увидеть живым Николая Романовича. Некоторые присутствовали при его последнем вздохе. В 23 ч. 27 мин. Николая Романовича на земле не стало. Он отошёл в вечные обитатели, куда стремился всей душой, и встретился с Тем, ради Которого отдал свою жизнь. Желание его сбылось: он пострадал за Того, Которого любил всей душой.

ПРОЩАЛЬНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

На прощальное богослужение прибыло более 300 друзей по вере из многих городов страны. Играл Челябинский духовой оркестр и Павлодарский.

«Мы хороним святого человека! — обращались к пришедшим на похороны неверующим людям проповедники. — Мы хороним того, кто всю свою жизнь молился о вас. Умер ваш молитвенник, который постоянно ходатайствовал перед Богом о вашем спасении».

«Я не знаю случая, когда бы Николай Романович забыл помолиться о детях, а молился он всегда с сокрушением. Это величайший пример для детей!» — напомнил другой проповедник.

Сотрудники КГБ и меня не раз просили повлиять на мужа, чтобы он склонил общину к регистрации. Обещали:

«Он завтра же будет на свободе, если исполнит нашу просьбу». Думаю, только по этой причине его трижды арестовывали и создавали невыносимые условия в лагере.

Я благодарю Бога, что муж остался непреклонным. Он очень любил церковь, наше гонимое братство, и, если бы имел силы, мы месяцами не видели бы его дома — он посещал бы общины, проповедовал Евангелие, невзирая ни на какие запреты.

«Дорога́ в очах Господних смерть святых Его!» (Пс. 115, 6). А почему не жизнь? Да потому что смерть в святости — это благословенный итог всей жизни! Это радостная жатва, которую уже не омрачит никакая тень скорби. Отяжелённые чистым зерном упования снопы укладываются в небесную житницу — этому ли не радоваться? Этим ли не дорожить?

Если дорога в очах Господних смерть святых Его, мучеников тем более. Господь лично Сам приветствует приход героев веры в небеса, как приветствовал некогда Стефана.

«Будь верен до смерти!» — призывает Он Своих последователей. И нет места печали, когда прославленный Пастыренна-

чальник, некогда Сам прошедший долину смерти, увенчивает Своих рабов неувядающими венцами славы (1 Петр. 5, 4).

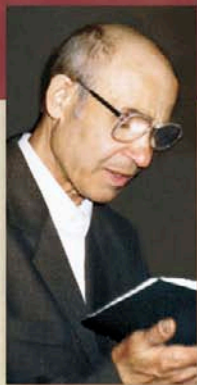
И хотя скорбит семья, печалится церковь и всё наше братство об утрате верного служителя Божьего, но сознание того, что земное поприще дорогого пастыря завершилось таким торжественным аккордом верности Господу, изгоняет печаль и водворяет радость. И она преобладает, потому что праведник водворился у Господа.

Содержание

Глава I	3
Читая Евангелие.....	4
Первые испытания.....	5
Дома.....	8
Нашёл родных по духу.....	9
Скромная свадьба.....	11
Неоправданный риск.....	12
Простое жилище.....	13
Семья Борисановых.....	13
Глава II	16
Собрания, но без детей.....	16
Духовное пробуждение достигло Омска.....	17
Особо тяжёлый год.....	18
Первый суд.....	20
Наш хор.....	21
Церковь укреплялась, недруги неистовствовали.....	24
Второй суд.....	25
Наши дети вставали на путь страданий.....	28
Глава III	31
Памятное свидание.....	31
Общениа жён узников.....	33
Иван Иванович Тимошенко.....	33
Не узнали родного узника.....	35
«Пусть едет на Север...».....	36
В опасный путь — одна.....	37
Чудеса защиты Господней.....	38
«Я боюсь греха больше смерти...».....	39
Встреча.....	40
Твёрдый в духе и вере старец.....	41
Глава IV	42
Вражда и ненависть.....	42
Вскрытая посылка.....	43
Допросы детей.....	44
Обыск — вестник ареста.....	45
Угроза лишения детей.....	47
Показательный суд.....	48
Гонители просчитались.....	49
Глава V	51
Верный служитель Божий.....	51
«Подходящий момент» для вербовки.....	54
Не желаешь сотрудничать — арест.....	55
За внеочередную передачу — пять лет тюрьмы!.....	56

Бог защитил сирот	57
Глава VI	59
«Детей верующих родителей мы не учим...»	59
«Разойдись! Прекратите моления!»	60
Пение в милиции	61
Обращение ко всем церквам ЕХБ от церкви г. Омска	62
Ходатайство Кемеровской церкви	67
Глава VII	69
Семья узников не оставлены	69
Посещая семью узников, рассчитывай на арест	70
Бесстрашный христианин	73
«На предательство не пойдю...»	74
Освобождён с надзором	77
Поиск работы	82
Глава VIII	84
Угроза третьего ареста	84
Напряжённый, но радостный труд в церкви	88
Безбоязненное свидетельство о Господе	89
«В третьи узы я шёл на смерть»	90
Посещение Господне	92
Глава IX	94
Третий суд	94
«Забудь, что ты верующий»	96
Тяжёлое свидание	97
«Африканка»	98
Господь открывал злые замыслы недругов	101
Офицер шёл на риск	103
Глумление над мужем стало известно	105
Новые пытки	106
«Перед нами стоял скелет...»	107
Глава X	109
Освобождён умирать	109
Встречи с друзьями по вере	111
Бесцеремонные сотрудники КГБ, способные мучить даже умирающего	113
Глава XI	117
Бог давал силы для служения	117
К нему шли с исповеданием	120
Ни к одному лекарству не притронулся	121
Он прощал обидчикам	122
«Мой дух давно ждёт встречи с Господом»	123
Прощальное богослужение	124

*...Ныне, как и всегда,
возвеличится Христос
в теле моем, жизнью
ли то, или смертью.*

Фил. 1, 20

Каждый шаг жизни пресвитера Омской церкви Николая Романовича САВЧЕНКО был воплощением этого сокровенного желания: возвеличить Господа! Оно не раз приводило его на скамью подсудимых, где он с кротостью давал отчет в своем уповании. Он не уклонялся от крестного пути, потому что знал: кратковременные легкие страдания в безмерном призыве производят вечную славу имени Господа Иисуса Христа (2 Кор. 4, 17).

